

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

«Испытание адом»: последние книги «Махабхараты»

О. Н. Крылова

Санкт-Петербургский Государственный университет

Две заключительные книги древнеиндийского эпоса «Махабхарата» — XVII («Махапрастханикапарва» — «Книга о великом исходе») и XVIII («Сваргароханапарва» — «Книга о восхождении на небеса») — в содержательном плане представляют собой единое целое, сюжетно отграниченное от содержания предыдущей, XVI книги («Маусалапарва» — «О битве на палицах»), повествующей о гибели племени ядавов и Кришны, союзника и наставника Пандавов в великой битве на Курукшетре.

Книга XVII

Царь Юдхиштхира, узнав о гибели Кришны, принимает решение отойти от земных дел и добровольно принять смерть. Его братья и Драупади, супруга Пандавов, соглашаются последовать за ним. Юдхиштхира приносит поминальные жертвы в честь павших героев, делит царство между наследниками — Юютсой и Парикшитом, внуком своего брата Арджуны, а затем, облачившись в одежды отшельника, покидает Хастинапуру вместе с братьями и супругой. Их сопровождает неизвестно откуда взявшаяся собака. Горожане, как положено по обычаю, некоторое время следуют за братьями, потом возвращаются в столицу. Исход Пандавов из Хастинапуры сравнивается с их уходом в изгнание после проигрыша в игре, затеянной их соперниками — кауравами (книга II, «Сабхапарва» — «О собрании»), однако на этот раз братьям не суждено вернуться.

Последний путь Пандавов пролегает по кругу прадакшины — ритуального обхождения святынь, во время которого перед Пандавами появляется Агни, бог огня, требующий у Арджуны вернуть волшебный лук Гандиву богу Варуне, и Арджуна бросает лук в воды океана, над которым владевает Варуна. Братьям предстает Дваракка, столица ядавов, смытая океанскими водами после гибели Кришны. Повернув на север, Пандавы достигают Гималаев, обители богов, и горы Меру, центра мира.

В продолжение всего пути Пандавы предаются «дхарме йоги» («закону йоги»). В данном случае под «йогой» понимается не просто психотехника как некий комплекс правил, а путь, ведущий к постижению Абсолюта и слиянию с ним, то есть к религиозному освобождению, что в контексте этой книги эпоса приравнивается к смерти. Путь этот избирается Пандавами сознательно, по их собственной воле.

Описание гибели Драупади и братьев Пандавов строится следующим образом: они «падают замертво» в определенном порядке, причем не по старшинству, а наоборот — начиная с младших, близнецов Накулы и Сахадевы. Всякий раз Бхима-сена, указывая на павшего, отмечает его достоинства и удивленно вопрошает Юдхиштхиру о причине гибели каждого. Юдхиштхира дает весьма неубедительные, явно надуманные объяснения, ссылаясь на «пороки» жены и братьев, которые не имеют никакого подтверждения в эпической действительности. Юдхиштхира без всякого сожаления оставляет своих родственников и следует далее по избранному пути. Только собака сопровождает его.

Сын бога Дхармы Юдхиштхира, которого постоянно называют «верным дхарме», нарушает таким образом дхарму семейную: он не только не выказывает печали по поводу гибели близких, но и уходит, не совершив надлежащих обрядов.

С небес спускается бог Индра, который принимает воинов, павших в честном бою, и приглашает Юдхиштхиру взойти на его колесницу. Но тут Юдхиштхира выказывает нежелание покинуть своих близких, и тогда Индра успокаивает его, говоря, что Пандавы и все погибшие соратники царя обрели небеса, оставив брненное тело, а сам Юдхиштхира попадет на небо в своем земном облике. Однако при этом Юдхиштхире ставится условие: он должен прогнать собаку, так как на небе нет для нее места. Герой отказывается исполнить повеление Царя богов, объясняя, что не может прогнать того, кто ему верен, ибо такой поступок сравним с ограблением и даже убийством брахмана. Индра продолжает настаивать, но Юдхиштхира тверд в своем решении: он отказывается от небес, если собаку не допускают туда. Тогда ему является воочию бог Дхарма, скрывающийся под личиной собаки, и раскрывает суть пройденного Юдхиштхирой испытания.

Теперь Юдхиштхира, явивший свою добродетель, по праву заслуживает неба. В сопровождении божеств и святых-сиддхов он возносится в царство Индры и обращается к нему с просьбой позволить ему отправиться в те края, где пребывают его родные и соратники.

Книга XVIII

Юдхиштхира видит на небе своего недруга — царя кауравов Дурьодхану, возлежащего на ложе славы в окружении небожителей. Пандава возмущен: он вспоминает о злодеяниях Дурьодханы и выражает нежелание делить с ним пребывание на небесах. Нарада пытается успокоить героя, говоря о том, что Дурьодхана — отважный воин, павший в бою и тем самым заслуживший небеса. Но Юдхиштхира продолжает настаивать на воссоединении с родичами.

По повелению Индры святой мудрец Нарада приводит героя в ужасное место, по всем описаниям соответствующее аду, и там царь обнаруживает всех своих близких. Они просят Юдхиштхиру остаться с ними, так как само его присутствие облегчает их страдания. Юдхиштхира в гневе резко упрекает богов за несправедливость, отправляет Нараду назад к Индре, а сам решает остаться со своими родственниками.

В тот же миг перед Юдхиштхирой предстают боги во главе с Индрой и Дхармой, и выясняется, что пребывание в Нараке — это иллюзия, последнее испытание его верности дхарме. Индра объясняет, что каждый царь должен хотя бы на краткое время увидеть ад-Нараку. Юдхиштхира совершил тяжкий грех, обманув Дрону, старого героя, наставника Пандавов и кауравов, поэтому он должен сначала побывать в аду, чтобы затем навечно обрести небо. Отныне Пандава удостоен невиданной доли — оставаясь в собственном теле, обрести небесные миры.

Далее раскрываются истинные места пребывания эпических героев, их божественная суть: Драупади — это богиня процветания Шри, воины — воплощенные небожители. На этом и завершается повествование эпоса о жестоком соперничестве Пандавов и кауравов, приведшем к кровопролитной битве и гибели рода.

Царь Джанамеджая — во время устроенного им жертвоприношения рассказывает «Махабхарата» — вопрошает о том, как долго его предки будут пребывать на небесах. В ответ святой мудрец Вайшампаяна, эпический повествователь, поверяет ему тайну богов о посмертной судьбе героев. Завершается эпопея пространственным пхалашрути — «даром за слушание»: перечисляются блага, обретаемые теми, кто слушает или произносит ее строки.

Перевод книг осуществлен с Критического издания «Махабхараты»: The Mahābhārata, crit. ed. Vol. 19. The Mahāprasthānikaparva (XVII), The Svargārohanaparva (XVIII). Poona, 1959.

Эпическая «лексика смерти»

Одной из главных для «Махабхараты» является тема гибели эпических героев. Известно, что древняя традиция избегает прямого названия смерти — это связано с табу, основанным на вере в магическую силу слова; в стилистике эпического текста это выглядит как варьирование способов передачи этого понятия.

Обращаясь к материалу XVII книги, следует выделить в первую очередь особую лексику, связанную с идеей смерти. Уже в самом названии книги присутствует глагольный корень *prasthā*, имеющий два значения: «уходить, отправляться» и «уходить в мир иной» (т. е. умирать). Поэтому название этой книги — «Махапрастханика» — правомерно переводится как «Книга о великом исходе», что сопрягает оба эти значения. Этим же термином обозначено решение Юдхиштхиры оставить мир: *prasthāne matim ādhāya* («устремив свои помыслы к уходу в мир иной» — 1. 2), положившее начало дальнейшим событиям книги. Далее в тексте неоднократно идея смерти передается через образ пути, что типично для «Махабхараты»: *gamana* — «уход» (1. 17), *pratasthuh* — «отправились (в путь)» (1. 20), *prasthitān* — «удаляющихся» (1. 21), *gamanaṁ prati* — «об уходе» (1. 22) и т. д. С образом пути связано метафорическое выражение «достигнуть третьего неба», или «неба Индры»: о Кришне говорится *kṛṣṇe divaṁ gate* — «когда Кришна удалился на небеса» (1. 1), и далее в XVIII книге: *svargaṁ trivīṣṭaram gṛāya* — «обретя третье небо» (1. 1; ср. 1. 3, 4). Данная метафора обычно применяется при описании гибели воинов на поле брани, высшим уделом которых является смертное пребывание на небе Индры.

Широко употребительная в «Махабхарате» метафора «уйти в обитель Ямы» в рассматриваемой части эпоса вообще не встречается. На пространственной вертикали эпоса царства Ямы и Индры противопоставлены друг другу. Это противопоставление имеет и качественное отличие: мир Ямы, с точки зрения героев, уготован грешникам, а мир Индры — праведникам. Пандавы для традиции эпоса — безусловно положительные герои, им заведомо предназначен небесный мир, а не обитель Ямы, и, видимо, по этой причине в тексте последних книг, посвященных Пандавам, данная метафора отсутствует. «Инерционное» использование этой мифологической метафоры в других контекстах хранит, по-видимому, память о небесном местопребывании ведийского царя Ямы.

С идеей пути, в том числе и пути смертного, связан образ колесницы, на которой человек преодолевает уготованную ему стезю. Этот образ — как один из атрибутов смертного пути — встречается в эпической метафорике смерти. Так, бог Дхарма, восхваляя добродетели Юдхиштхиры, говорит: «Ты отверг колесницу богов ради собаки, что служит тебе» (XVII. 3. 20).

Общее настроение XVII книги усугубляется «сигнальными» для ситуации приближающейся смерти образами, среди которых — всепожирающее Время, поглощенная водами океана столица Кришны — Дварака, собака — спутник Юдхиштхиры, ассоциирующаяся в мифологии с Ямой, неоднократные упоминания о гибели Кришны и его рода, а также цветовая символика¹. «Время приводит к концу все живое!» — горестно восклицает Юдхиштхира, и Арджуна вторит ему: «О, Время, Время!» (1. 3). Царь, «постигший закон превратности Времени» (*kālaparyāyadharmavit*), готов оставить мир (1. 16). Кроваво-красные воды океана, в которые Арджуна по просьбе Агни бросает свой знаменитый лук Гандиву, ибо «не будет нужды ему больше в том луке» (1. 37; еще одно указание на близость конца), — яркий пример использования цветовой символики для создания тревожного настроения приближения смерти. Отметим также, что для традиционного сознания появление собаки, безусловно, — «сигнал», сопрягающий контекст с определенной тематикой — тематикой смерти.

В XVIII книге несколько раз встречается распространенная в эпосе воинская метафора смерти как принесения собственного тела в качестве жертвы огню битвы: «Как в жертву огню битвы собственное тело принесся...» (XVIII. 1. 14; ср. XVIII. 2. 2).

¹ Пессимистические и фаталистические представления о всеильности Времени свойственны учению Калавады — см.: Васильков Я. В. Калавада // Индуизм, джайнизм, сикхизм: Словарь. М., 1996. С. 222. О символике цвета как одном из способов передачи идеи смерти, о связи красного и черного цветов с образами Ямы и смерти см.: Невелева С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса: Эпитет и сравнение. М., 1979. С. 11–12. О «сигнальной» функции стилистических и композиционных приемов см.: Невелева С. Л. Махабхарата: Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991. С. 98–202.

Осмысление битвы как жертвоприношения свойственно эпосу¹. Для воина смерть в честном бою приравнивается к религиозной заслуге принесения жертвы.

В последних книгах «Махабхараты» не единожды упоминается о добровольном решении Пандавов вступить на смертную стезю (XVII. 1. 5, 17, 22). Способом достижения смерти эпические герои избирают некий комплекс действий, названный в тексте «дхарма йоги», «дхарма самоотречения» (XVII. 1. 28; 2. 1, 3), частью которого является пост (XVII. 1. 27). Добровольное решение уйти из жизни и способы достижения этой цели позволяют предположить, что ритуальное поведение Пандавов — суть религиозное самоубийство, причиной которого является гибель Кришны.

Все действия Пандавов, покидающих страну, также свидетельствуют о приближении конца их земной жизни: Юдхиштхира повелевает совершить последнее жертвоприношение (*pañṣṭikīm iṣṭim*), братья опускают в воду священные огни, облачаются в мочальное платье отшельников и удаляются из города (XVII. 1. 20). Сопоставление их ухода с удалением в изгнание после проигрыша в кости вполне уместно (XVII. 1. 21), если принять во внимание возможную интерпретацию изгнания Пандавов как аналога временной смерти. Эта интерпретация производится на основе положения о влиянии архаических обрядовых представлений (а именно — комплекса инициации) на композицию эпического текста. Изгнание Пандавов связывается с представлениями о царском посвятельном ритуале².

Одним из компонентов посвятельного комплекса является отделение иницируемого от привычной социальной среды, суть — его смерть для общества. Посвятельные ассоциации рассматриваемого эпизода — ухода Пандавов в последний путь — очевидно, основываются на архаическом представлении о смерти как о переходе в мир иной, к новому «статусу» (последнее — неотъемлемая составляющая и, можно сказать, цель «переходных» ритуалов в целом). Но если после лесного изгнания Пандавы возвращаются в привычную среду к своим обязанностям, то в данном случае они расстаются с земной жизнью. Однако сходство двух эпизодов очевидно: горожане, глядя на Пандавов, покидающих город, вспоминают о том, как братья вместе с Драупади удалялись в изгнание (XVII. 1. 21). Но если лесную «асоциальность» Пандавов уместно трактовать в связи с посвятельными мотивами, то уход Пандавов по пути смерти (о чем говорится прямо) можно истолковывать в духе эпической доктрины мокши — полного освобождения от социальных и семейных связей.

Содержание, стилистика, художественные образы (и вызываемые ими ассоциации) первой главы XVII книги постепенно готовят слушателя к восприятию трагических событий — смерти героев. Отметим, что и здесь отсутствует непосредственное название смерти; все действия передаются глаголом *pat* «падать (наземь)»: *patitā bhuvī* (2. 5) «пала наземь» — о Драупади; *patito bhuvī* (2. 9) «пал наземь» — о Сахадеве; *nīparāta* (2. 12) «упал» — о Накуле; *patito bhuvī* (2. 14) — о нем же.

После гибели супруги и братьев Юдхиштхира — единственный оставшийся в живых герой эпоса. Тем самым акцентируется значимость этого образа для заключительной части «Махабхараты»; с ним связываются важнейшие религиозно-этические идеи поэмы. Принимая во внимание это положение, попытаемся проанализировать события заключительных книг «Махабхараты» с точки зрения той роли, которую играет в них царь Юдхиштхира, старший из братьев Пандавов.

Юдхиштхира: последние главы судьбы

В образе Юдхиштхиры реализуются эпические представления об идеальном царе. Согласно брахманской идеологии, которая, как известно, оказала огромное

¹ Подробно см.: *Hiltebeitel A. The Ritual of Battle: Krishna in the Mahābhārata. Ithaca; London, 1976.*

² См.: *Невелева С. Л. О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 128—160.*

влияние на идейное содержание эпоса, главной добродетелью человека является следование своей дхарме. Неукоснительное соблюдение царской дхармы — основополагающее качество идеального царя. В эпосе постоянно подчеркивается приверженность Юдхиштхиры своему долгу: он, dharmasuta «сын бога Дхармы», определяется как dharmātma «вершитель дхармы», dharmagāja «царь дхармы»; его действия обосновываются желанием соблюсти справедливость (dharmakāmyauā — XVII. 1. 9); он предостерегает других от нарушения дхармы: «Да не помыслишь ты о противном дхарме» (mā cādharṃe manah kṛtha — XVII. 1. 9).

При этом сам Юдхиштхира, призванный неукоснительно соблюдать царскую дхарму, нередко нарушает свой долг в отношении семьи и рода, что особенно отчетливо выявляется на материале второй главы XVII книги. Такое положение, когда Юдхиштхира бросает родных братьев и супругу, но до конца заботится о собаке, выглядит в достаточной мере странным. Что скрывается за данной ситуацией? Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся вновь к субстратному мифоритуальному комплексу, который «может считаться исходной „комбинационной моделью“ как для идейно-содержательного построения эпоса, так и для его стилевой и композиционной структуры»¹.

В архаическом обряде посвящения иницируемый подвергался испытанию и по его прохождении приобщался к высшим духовным ценностям социума, а также приобретал качественно новый общественный статус. Эпическая традиция, сохраняя зачастую лишь опосредованную связь с ритуальным действием и его содержанием, трансформирует отдельные структурные составляющие ритуального комплекса, используя их для собственных целей. Так, прием испытания (без сомнения, имеющий ритуальное происхождение) в эпосе используется (хотя и не во всех случаях) для подтверждения («проверки на прочность») заранее постулированных добродетелей, качеств героя, верности его принятым обетам и т. д. Пример подобного использования мотива испытания предоставляет нам третья глава XVII книги «Махабхарата».

Юдхиштхира, несмотря на уговоры и предостережения Индры, не желает вступить в небесное царство без собаки, которая верно ему служила. В споре с богом (3. 7—15) Юдхиштхира выдвигает веские аргументы: бросить верного подданного — все равно что убить брахмана или женщину, предать своего друга. Помимо наличия спора между испытываемым и испытателем (в данном случае — его заместителем, т. к. подлинным испытателем является бог Дхарма), на ситуацию испытания указывает и зооморфное превращение последнего (напомним, что использование маски, чужой личины и как следствие — неузнаваемость, чужеродность испытателя — неотъемлемая черта инициации). В конце концов Дхарма, сопровождающий Юдхиштхиру по смертному пути в образе собаки, открывается сыну и восхваляет его праведность. На протяжении всего эпоса Дхарма выступает в роли испытателя (и не только Юдхиштхиры); его, как стража Закона, Долга, особо заботит соблюдение дхармы на земле (центральном месте эпического действия) всеми людьми и в первую очередь — его собственным сыном.

В этом же эпизоде предпринимается попытка сгладить проявившуюся ранее противоречивость поведения Юдхиштхиры как главы семьи: во-первых, теперь Юдхиштхира отказывается взойти на небо, пока не убеждается, что его братья и супруга пребудут в том же мире, что и он; и во-вторых, Дхарма, упоминая о прошлом испытании Юдхиштхиры в лесу Двайтавана, восхваляет его заботу о Мадри, второй жене Панду, матери своих сводных братьев — Накулы и Сахадевы. Таким образом, Юдхиштхира окончательно утверждается в добродетели — следовании дхарме, как царской, так и семейной, и обретает в результате дар богов — достижение неба в телесном облике (XVII. 3. 21).

Приобщение Юдхиштхиры к небожителям можно рассматривать как смену статуса — ход, заимствованный эпосом у посвятельного ритуала, но связь с ритуальным контекстом здесь более чем условна: человек, прошедший через инициацию, — в том числе и через смерть, но «мнимую», — возвращается в новом статусе в собственный, человеческий социум, тогда как Юдхиштхира оказывается в ином, «мифологическом» социуме, и смерть здесь отнюдь не мнимая.

¹ Невелева С. Л. Архаические обрядовые представления... С. 128.

Эпос превращает мотив испытания в композиционный прием, наполняя его новым содержанием, продиктованным целями брахманской идеологии. Новые религиозно-философские идеи облакаются в привычные, запечатленные в сознании со времен архаики формы, что способствует более органичному их усвоению массовым сознанием. Показателен в этом отношении следующий эпизод рассматриваемой нами части «Махабхараты», который можно обозначить как испытание Юдхиштхиры зрелищем ада.

«Испытание адом»

Обретя небо Индры, Юдхиштхира выказывает упорное желание соединиться с братьями и супругой. Его просьбы становятся особенно настойчивыми после того, как он видит каураву Дурьодхану в блеске славы и величия. Возмущенный несправедливостью, Юдхиштхира готов отказаться от небесного блаженства ради воссоединения с близкими. Следующее далее перемещение героя из мира богов в подземные области ада вызвано, таким образом, «начальной недостаточей», мотивом, свойственным общефольклорной теме поиска. Использование эпосом данного мотива, помимо предания эпизоду особой драматичности, позволяет смоделировать ситуацию, тождественную реально обусловленному отделению посвящаемого от социума. Боги «воспользовались» настойчивыми просьбами Юдхиштхиры как предпосылкой для нового испытания царя. Здесь мы вновь обнаруживаем влияние ритуальных представлений на формирование используемых эпосом сюжетных ходов. Как отмечает Г. Й. Хелд, сюжеты «Махабхараты», организованные вокруг Пандавов, несут следы инициационных обрядов¹. Действительно, композиция данного эпизода, хотя и в самых общих чертах, но все же укладывается в схему ритуала: риши-мудрец Нарада, как предполагается, должен сопровождать царя лишь до определенного момента, далее Юдхиштхира остается один и его пребывание в аду является своеобразным аналогом смерти. Испытанию подвергается здесь верность царя семейной дхарме, однако же главной целью этого испытания является, как объясняют впоследствии боги, искупление греха — обмана, которым запятнал себя Юдхиштхира.

С честью пройдя испытание, Юдхиштхира не только освобождается от греха, но и приобщается к сакральному знанию, что является наиболее важным с точки зрения эпической дидактики (а также ритуала посвящения). Боги раскрывают ему действие закона посмертного воздаяния за дела, совершенные человеком при жизни (XVIII. 3. 11 — 13, 30 — 33). Кроме того, ему открывается «тайна богов»: отныне Юдхиштхире ведома истинная божественная суть его родных и соратников и их посмертная участь.

Идея определяющего влияния прижизненных дел человека на его посмертную судьбу является важнейшей составляющей доктрины кармы, формировавшейся параллельно со складыванием эпоса. Важная с точки зрения брахманской дидактики информация размещена в позиционно сильном отрезке повествования, что, очевидно, должно повлиять на ее восприятие и освоение аудиторией.

Юдхиштхира по совету Дхармы совершает омовение в водах небесной Ганги, обретая «небесное» тело, в котором восходит на небеса вместе с богами. Последнее омовение в реке, а тем более — в священной Ганге, символизирует физическую смерть Юдхиштхиры. Вода (водная преграда, река, океан) в представлении многих индоевропейских народов играет роль границы между миром живых и миром мертвых², а преодоление этой преграды, вступление в воды метафорически передает идею смерти (ср. ритуальные омовения, совершаемые при переходе от одного этапа жизни к другому в системе ашрам; смерть также воспринимается архаическим сознанием как «переход»).

¹ Held G. J. The Mahābhārata: An Ethnological Study. London; Amsterdam, 1935.

² Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 825.

Во второй главе XVIII книги «Махабхарата» содержится описание индуистского ада — Нараки, и хотя боги впоследствии объявляют Юдхиштхире, что это была лишь иллюзия — майя, можно воспользоваться этим вполне «реалистичным» описанием, чтобы затронуть данную сферу мифологических представлений индийцев. Ко времени оформления эпоса идея трехчастности мироздания вполне устоялась. Уже в «Ригведе» отражено представление о трех сферах Вселенной: земле, воздушном пространстве и небе. Аналогичные сведения содержатся и в других текстах ведийского комплекса: «Чхандогья-упанишада» сопоставляет три сферы мира с тремя священными возгласами «бхух», «бхувах», «свах» (земля, пространство, небо). Однако Ф. Б. Я. Кёйпер в статье «Три шага Вишну» отмечает, что «ведийская (и в особенности ригведийская) мифология основана, главным образом, на концепции космической дихотомии. Ведийские представления о Вселенной, — пишет Ф. Б. Я. Кёйпер, — группируются вокруг таких оппозиций, как земля-небо, день-ночь, боги-асуры»¹. Большинство гимнов «Ригведы», согласно принятой в настоящее время точке зрения, связаны с Новогодним ритуалом, сущность которого — повторение первоначального акта творения Вселенной из первозданного хаоса. Важнейшим космологическим действием ведийского Индры является отделение неба от земли и созидание, таким образом, дуальной оппозиции во Вселенной, проецирующейся в дальнейшем процессе создания мира на все сферы бытия. Именно эта оппозиция имеет смысл и наибольшее значение в контексте гимнов «Ригведы». Этим и объясняется тот факт, что, по словам Ф. Б. Я. Кёйпера, «поэты ни разу не говорят о тройном делении; скорее их занимает концепция дуального мира»².

Но уже в Араньяках, «лесных трактатах», обнаруживается достаточно четко оформленная идея трехчастного строения Вселенной: так, в «Айтарейя-араньяке» говорится о существовании трех сфер мироздания. Постепенно картина мира становится еще более сложной: в «Тайттирия-араньяке» говорится уже о семи мирах; девять миров упомянуты в «Брихадараньяка-упанишаде»³. Три основные сферы подвергаются все большему дроблению. Относительно четкую форму приобретает система представлений о структуре мира в пуранах, где в рамках трехчастной структуры Вселенной отдельно описаны как миры небесной сферы, так и подземные области⁴.

Древнеиндийскому эпосу известны мир богов со множеством его «ярусов», земля и мир подземный, где располагаются обитель Варуны, миры дайтев, данавов, а также нагов, мир Ямы, царя мертвых, и где на изначальных водах возлежит змей Шеша; причем картина эта лишена последовательности. В других книгах «Махабхараты» (в частности, в «Араньякапарве») восхождение и нисхождение по космической вертикали связывается с фигурой Арджуны; в рассматриваемом нами фрагменте Юдхиштхира сначала совершает восхождение на небо, затем — нисхождение (пусть даже иллюзорное) в подземный мир и потом опять — восхождение на небо. Отметим, что перемещение по космической вертикали является характерной чертой архаических ритуалов, связанных главным образом с царско-шаманской и календарной обрядностью⁵.

Древнюю индоарийскую культуру определяют как культуру шаманского типа (не случайно древние ригведийские риши зовутся «випра» от корня *vip* — «дрожать, трястись»). Шаман, вводя себя в состояние транса посредством барабанного боя, ударов в бубен, приема галлюциногенных средств, совершал путешествия в иные миры. Именно шаманский опыт (идентичный опыту мистическому) во многом повлиял на формирование мифологических представлений, в частности о «географии» Вселенной в целом и отдельных ее частей. Иные миры и, в частности, мир посмертный оказываются удивительно схожи друг с другом в разных культурах, но, конечно, не конкретными деталями, а общими структурными блоками. Так,

¹ Кёйпер Ф. Б. Я. Три шага Вишну. Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 108.

² Там же. С. 108.

³ Encyclopaedia of Religion and Ethics / Ed. by J. Hastings. Vol. 4. New York, 1911. P. 157.

⁴ О нижних мирах см.: *Mani V. Puranic Encyclopaedia* / Ed. by M. Banarsidas. Delhi, 1979. P. 580—582.

⁵ Невелева С. Л. О композиции древнеиндийского эпического текста... С. 132.

например, образы смертного пути, стражей загробного мира, водной преграды, множества адов в царстве мертвых присутствуют в танатологических представлениях буддистов, индуистов, последователей тантрических школ Тибета. Описание Наракки в «Книге о восхождении на небеса» во многом схоже с картиной буддийского ада, представленной в «легенде о царе Ними»¹, где встречаются и полностью идентичные образы: ужасная река смерти Вайтарани, железноклювые птицы, деревья с листьями-мечами и т. п. Не касаясь вопроса о возможных заимствованиях отдельных деталей, отметим лишь сходную структуру построения картины ада в индуистской и буддийской мифологиях.

Переходя к заключительной части XVIII книги «Махабхараты», следует отметить практически полную идентичность описания посмертной судьбы героев поэмы, дающихся, с одной стороны, Юдхиштхирой (гл. 4) и ведущихся от лица риши Вайшампаяны (гл. 5) — с другой. Есть все основания говорить об использовании здесь характерного для эпоса приема дублирования, который применяется эпосом для акцентирования внимания на информации, наиболее важной с точки зрения эпической дидактики. Данные о посмертной судьбе героев, которая определяется действием закона кармы, относятся именно к такого рода сведениям. В этом эпизоде еще раз эксплицитно выражена идея «Махабхараты» об идентичности эпического конфликта вечному противостоянию богов и асуров: «Сыновья Дхритараштры — (демоны)-ятудханы великие» (5. 19); «Известно, что ракшасы были соратниками Дурьодханы» (5. 23). Но воины-ракшасы, верные кшатрийской дхарме, «очистились оружием» — таков вариант передачи эпической мифологемы «битва-жертвоприношение» — и благодаря своим воинским заслугам также обрели достойные места пребывания. В данном случае битва приравнивается к жертвенному обряду, благодаря которому жертвователю навсегда обретается небо.

Заключительные стихи «Махабхараты» (XVIII. 5. 31—54) содержат так называемый «дар за слушание», пафос которого гармонизирует атмосферу завершающей части эпоса, как бы уравновешивая предшествующие описания ужасов ада. «Пхалашрути» включает сведения, на основе которых можно сделать вывод о признании за рецитацией «Махабхараты» значения ритуального эквивалента (5. 36, 37, 44, 45, 51, 53, 54). Утверждение незыблемости дхармы (5. 49, 50) в контексте прославления «Махабхараты» подтверждает мысль о возможной интерпретации ее содержания в свете этой индуистской доктрины. Однако, и это следует подчеркнуть, данная позиция вырабатывается в результате брахманского редактирования текста; в целом, как известно, «слой» религиозно-философской дидактики в содержании «Махабхараты» является типологически поздним по отношению к «слою» эпической героики².

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Последние книги «Махабхараты»: XVII — «О великом исходе» и XVIII — «О восхождении на небеса» приносят своего рода оправдательный акцент в общее идейное содержание поэмы, смягчая этическую оценку далеко не всегда праведных действий Пандавов. Видением ада эпос подвергает героев «условному наказанию», каре за их вероломные поступки во время битвы — за нарушение кшатрийской дхармы. Утверждение необходимости неукоснительно следовать закону дхармы как основной добродетели, равно как и ссылки в общих чертах на теорию кармы в связи с явной этической направленностью заключительных книг «Махабхараты» свидетельствуют о непосредственном влиянии брахманской редакции на идейное содержание ее последних книг. На композицию ключевых эпизодов завершающих книг эпоса определяющее влияние оказывает так называемый субстратный мифо-ритуальный комплекс и, в частности, архаические представления о «переходных» обрядах. Содержащиеся в финальных книгах мифологические представления о космографии и, в частности; об аде в целом соответствуют универсальной трехчастной схеме строения Вселенной, складывающейся под воздействием шаманских представлений.

¹ Буддийские сказания / Пер. А. В. Парибка и Ю. М. Алихановой. СПб., 1992. С. 79—89.

² Васильков Я. В., Невелева С. Л. Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги Мбх) // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988. С. 154.

МАХАБХАРАТА

КНИГА XVII. «О ВЕЛИКОМ ИСХОДЕ»

Глава 1

Джанамеджая¹ сказал:

Что же предприняли Пандавы, услышав о той битве на полях между вришнейцами и андхаками² и о том, что Кришна³ удалился на небеса⁴? 1

Вайшампаяна⁵ сказал:

Едва услышав о великом избиении вришнейцев, царь-каурава⁶ решил оставить сей мир и обратился к Арджуне такие слова: «О многомудрый, Время⁷ приводит к концу все живое. Вот и я помышляю о том, чтобы оставить (земные) дела, ты и сам должен это понять». Выслушав слова старшего брата, герой Каунтея⁸, воскликнув: «О Время, Время!» — проникся теми его словами. Узнав мнение Арджуны, Бхима и оба близнеца согласились с тем, что сказал Савьясачин⁹. Затем, пригласив Юютсу¹⁰, Юдхистхира, соблюсти справедливость желая, ему, сыну вайшьи¹¹, отдал все царство. В своей же стране он помазал на царство Парикшита¹². Царь (Юдхистхира), старший из Пандавов, горем терзаемый, так молвил Субхадре¹³: «Вот он, сын твоего сына, будет царем куру. А Ваджра, тот, что уцелел (в побоище), поставлен отныне царем ядавов. (Будет править) Парикшит в Хастинапуре¹⁴, а Ваджра, царь ядавов, в Шакрапрастхе¹⁵. Он должен быть опекаем тобою, и да не помыслишь ты о противном дхарме!» 2-9

Сказав так, Царь дхармы¹⁶, душою преданный дхарме, вместе с матерями (павших героев) совершая непрестанно возлияние воды в честь мудрого Васудевы¹⁷ (Кришны), а также старшего дяди по матери¹⁸ и (героев), начиная с Рамы¹⁹, всем им принес, следуя предписанию, поминальные жертвы. Раздал он первым среди дваждырождённых²⁰ сокровища и одежды, сотни тысяч коров, коней, колесниц, деревень и рабынь. Выказав почтение Крипе²¹, наставнику, известному устремленностью к цели, тот лучший из бхаратов отдал ему Парикшита в ученики. Затем Юдхистхира, царственный риши²², созвал всех своих подданных и поведал о том, что он намерен свершить. (Царское) слово взволновало сильной тревогой сердца горожан и 10-19

сельского люда, не вызвала радости эта его речь. «Не следует так поступать», – сказали они владыке людей. Но царь не согласен был (с ними), ибо постиг он закон превратности Времени²³. Простившись с людьми, в городах и селеньях живущими, царь, верный дхарме, равно как и братья его, устремил свои помыслы к уходу (из этого мира). И вот Юдхиштхира, сын Дхармы, царь куру, снял с себя дорогое убранство и облачился в мочальное платье²⁴. Бхима и Арджуна, и близнецы, и с ними славная Драупади – все они, о владыка людей, также надели мочальное платье.

20–31 Повелев совершить последнюю жертву как должно, в воды пустив (священный) огонь²⁵, отправились в путь все герои-быки, о бык среди бхаратов²⁶! Зарыдали все женщины, увидев, как удаляются пятеро быков-бхаратов и Драупади шестая, – так прежде (уходили они), побеждённые в игре в кости²⁷. Зная об устремлении Юдхиштхиры и памятуя о гибели Вришнейца²⁸, с радостью все братья (избрали) уход (из мира). Братья (шли) впятером, шестой была Кришна²⁹, седьмой же – собака³⁰; покидали они всемером Город слона. Все горожане и женщины царского рода долго шли за царём, но никто не решался сказать ему: «Вернись!» И возвратились обратно все жители этого города. Вокруг Юютсы собрались Крипа и (другие мужи) с ним во главе. А Улупи, дочь змея, в (священные воды) Ганги ступила³¹, о кауравья³²! Читрангада³³ же возвратилась в Манипуру, а остальные женщины рода остались рядом с Парикшитом. Пандавы, духом великие, и славная Драупади шли, о потомок Куру, соблюдая пост³⁴, обратив свои лица к востоку. Великие духом, желая постичь отречения дхарму, обратились они к йоге, минуя многие страны, реки, моря³⁵. Шёл первым Юдхиштхира, следом за ним – Бхима, далее (ступал) Арджуна, а затем, по порядку, близнецы³⁶. Последней шла Шьяма³⁷, о первый из бхаратов, – прекраснобёдрая Драупади, лучшая среди женщин, с глазами (огромными), как лепесток лотоса. Следом за Пандавами, отправившимися в леса, одиноко брела собака. В таком порядке достигли герои (океана), кроваво-красного скопления вод.

32–44 Завоеватель богатств³⁸, стремясь к обретению сокровищ, не оставил чудесный свой лук Гандиву³⁹ и два колчана, вечно полные стрел, о великий царь! И вот узрели они пред собою воочию Агни⁴⁰ в облике мужа, неподвижно стоящего, словно скала, преградив им дорогу. Молвил Пандавам бог Семилучистый⁴¹: «О сыны Панду, герои, знайте, что я – Павака⁴²! О мощнодланый Юдхиштхира, усмиритель врагов Бхимасена, о Арджуна, о герои, сыновья Ашвинов⁴³, внемлите моим словам! Я – Агни, о лучшие среди куру, мною сожжён был (лес) Кхандава⁴⁴ благодаря мощи Арджуны и самого Нараяны⁴⁵. Пусть же ваш брат Пхальгуна⁴⁶ вступит в сей лес, расставшись с Гандивой, величайшим оружием, ибо нет ему больше нужды в

том (луке). Чакра – сокровище, что находилось у Кришны, великого духом, – исчезла, но со временем она вновь возвратится в его руку. Прежде я получил Гандиву для Партхи от Варуны⁴⁷, и теперь к Варуне должен вернуться тот лучший из луков». Тогда все братья попросили Завоевателя богатств (исполнить волю Агни), и бросил он в воды лук и оба колчана, вечно полные стрел. Исчез тогда Агни, о лучший из бхаратов! Герои же Пандавы двинулись в сторону юга. Северным берегом океана с солёными водами шли они на юго-запад, о бхарата-тигр! Затем, повернув на запад, увидели они Двараку⁴⁸, поглощённую океаном. И вновь, устремившись на север, тронулись в путь лучшие среди бхаратов, дхарму йоги блюдущие, вознамерившись совершить круг прадакшины⁴⁹.

*Такова в «Книге о великом исходе»
великой «Махабхараты» первая глава.*

Примечания

- ¹ Джанамеджая – царь Лунной династии, правнук Арджуны; «Махабхарата» была впервые исполнена сказителем Вайшампаяной во время жертвоприношения змей, устроенного этим царём.
- ² Вришницы – известный род, входивший в племя ядавов, союзников Пандавов в битве на поле Куру; к этому роду принадлежал Кришна. Андхаки – род, входивший в племя ядавов; о битве на палицах, в результате которой воины этих родов истребили друг друга, рассказывается в XVI книге «Махабхараты».
- ³ Кришна – Чёрный, выступает в эпосе в трёх ипостасях: как друг и союзник Пандавов, как земное воплощение (аватара) бога Вишну и как бог тотальности.
- ⁴ ...удалился на небеса – один из вариантов эпической метафоры смерти.
- ⁵ Вайшампаяна – один из трёх сказителей, рассказывающих «Махабхарату» царю Джанамеджае. Вайшампаяна усвоил «Махабхарату» от Кришны Двайпаяны Вьясы, деда Пандавов, легендарного автора поэмы.
- ⁶ Царь-каурава – Юдхистхира, старший из братьев Пандавов, ставший главой рода куру (бхаратов) после смерти царя Дхритараштры. Кауравы – представители рода куру, потомки Куру, царя Лунной династии.
- ⁷ Время – Кала, архаическое божество, персонификация циклического времени. В эпосе – божество неизбежной гибели; в этой функции практически сливается с эсхатологическими образами Ямы, Мритью, Шивы.
- ⁸ Каунтея – здесь: Арджуна. Каунтея – матронимическое имя Пандавов, сыновей Кунти, старшей супруги царя Панду (кроме Арджуны, так же зовутся Юдхистхира и Бхимасена).
- ⁹ Савьясачин – Натягивающий лук левой рукой, имя-эпитет Арджуны, владеющего великим луком Гандивой. Бхима – Грозный, сокращённое имя Бхимасены. Близнецы – младшие Пандавы – Накула и Сахадева.
- ¹⁰ Юютса – Рвущийся в бой, имя одного из сыновей Дхритараштры; не входит в число кауравов, павших на поле битвы.
- ¹¹ Вайшьи – третья из четырёх варн (сословий) древнеиндийского общества, члены которой занимались, в основном, торговлей и земледелием. Две высшие варны – брахманы (жрецы) и кшатрии (воины).
- ¹² Парикшит – внук Арджуны, поражённый во чреве матери Ашваттхаманом, сторонником кауравов, но чудесным образом спасённый Кришной.

- ¹³ С у б х а д р а – сестра Кришны, супруга Арджуны и мать Абхиманью, отца Парикшита. После смерти Кришны Субхадра остаётся старшей из его родственников.
- ¹⁴ Х а с т и н а п у р а – Город слона, столица государства кауравов, названная по имени царя Хастина (название этимологизируется в связи с нарицательным значением слова *hastin* – «слон»).
- ¹⁵ Ш а к р а п р а с т х а – то же: Индрапрастха, вторая столица, построенная после раздела царства.
- ¹⁶ Ц а р ь д х а р м ы – постоянный эпитет Юдхиштхиры, небесным отцом которого считается бог Дхарма. Данный эпитет можно перевести как «Царь справедливости» или же «Царь во дхарме», то есть по праву.
- ¹⁷ В а с у д е в а (*Vāsudeva*) – патронимическое имя Кришны (отличается от имени отца – *Vasudeva* долготой первого слога).
- ¹⁸ То есть в честь отца Кришны, который приходится братом Кунти, матери Юдхиштхиры, Бхимасены и Арджуны.
- ¹⁹ Р а м а – здесь: имя Баларамы, старшего брата Кришны.
- ²⁰ Д в а ж д ы р о ж д ё н н ы е – члены трёх высших варн древнеиндийского общества, прошедшие обряд посвящения, дающий право изучать Веды и почитаемый вторым, духовным, рождением.
- ²¹ К р и п а – герой старшего поколения, брахман-воин, один из военных наставников Пандавов и кауравов; считается воплощением Рудры, от которого он и унаследовал знание воинского искусства.
- ²² Ц а р с т в е н н ы й р и ш и – царь-мудрец. Риши – святые мудрецы, провидцы, певцы священных ведийских гимнов; в эпосе делятся на три разряда: божественные мудрецы, брахманы-мудрецы и царственные мудрецы.
- ²³ В тексте – *kālaparyayadharmavit*. Архаическое представление о круговороте времени, о цикличности существования вселенной приобретает в эпосе пессимистическое звучание.
- ²⁴ О д е ж д ы и з м о ч а л а – неотъемлемая черта облика отшельника.
- ²⁵ В тексте – *samutsrjyāpsu... agnīn*. Возможно, имеется в виду обряд погашения домашнего священного огня, совершаемый после смерти главы дома. Уход Пандавов из царства приравнивается к смерти.
- ²⁶ ...г е р о и - б ы к и, ...б ы к с р е д и б х а р а т о в – «животная» метафора, применяемая для подчеркивания мощи героя, чрезвычайно распространённая в эпосе, имеющая аналогии в эпических традициях других народов.
- ²⁷ Проигрыш в игре в кости стал, наряду с оскорблением Драупади, причиной возникновения вражды между Пандавами и кауравами. Юдхиштхира в нечестной игре, затеянной Шакуни, дядей кауравов, проиграл себя, своих братьев и царство, после чего Пандавы вынуждены были тринадцать лет провести в изгнании.
- ²⁸ В р и ш н и е ц – Кришна как племенной герой.
- ²⁹ К р и ш н а – Чёрная, имя Драупади.
- ³⁰ Как станет ясно из дальнейшего повествования, за Пандавами в облике собаки следует бог Дхарма, отец Юдхиштхиры. С самого начала данной книги прослеживается идея тождественности исхода Пандавов и смерти (хотя физическая смерть героев наступает несколько позднее). Появление собаки также маркирует путь Пандавов как путь в царство мёртвых: во многих культурах собака является проводником/стражем царства мёртвых (ср.: Цербер, псы Ямы).
- ³¹ У л у п и – дочь нага, змееподобного демона; вступая в воды Ганги, супруга Арджуны возвращается в дом родных.
- ³² К а у р а в ь я – обращение к царю Джанамеджае, правнуку Арджуны, представителю рода куру.
- ³³ Ч и т р а н г а д а – супруга Арджуны.
- ³⁴ Пандавы, сознательно избрав смерть, далее исполняют комплекс действий, направленных на достижение смерти. В данном контексте это смертельный пост (ср.: религиозное самоубийство), а не просто обет благочестия.

- ³⁵ Здесь и далее – описание круга последней прадакшины. Прадакшина – ритуальное обхождение святыни, божества, почитаемого человека, форма выражения почтительности. Движение совершается по ходу солнца, правым плечом – в сторону объекта.
- ³⁶ Описание порядка следования героев основано на понятии старшинства.
- ³⁷ Шьяма – Чёрная, ср.: Кришна, имя Драупади.
- ³⁸ Завоеватель богатств – эпитет Арджуны, идеального царя и воина, всегда стремящегося добыть сокровища для царской казны; ср. роль Арджуны во время обрядов дигвиджая (покорение стран света) – кн. II и ашвамедха (жертвоприношение коня) – кн. XIV.
- ³⁹ Гандива – название волшебного лука Арджуны, созданного Брахмой и полученного героем от Агни; по иной версии, лук появился среди других сокровищ при пахтании молочного океана.
- ⁴⁰ Агни – божество ведийского пантеона, связанное с почитанием огня. Три проявления этого единого начала в эпосе – жертвенный огонь, огонь конца света и огонь как один из элементов, входящих в состав живого организма. Агни является эпическому герою в наиболее важные минуты его жизни, связанные обычно с испытанием.
- ⁴¹ Семилучистый – один из эпитетов Агни, а также Сурьи, бога солнца, с которым Агни разделяет ряд эпитетов.
- ⁴² Павака – Очищающий, постоянное именование Агни.
- ⁴³ Накула и Сахадева рождены от божественных близнецов Ашвинов (Всадников). В Ведах они – божества вечерней и утренней зорь, в эпосе – искусные врачи, наделены красотой и вечной молодостью.
- ⁴⁴ Кхандава – название леса, локализованного эпосом на западном берегу реки Ямуны (совр. Джамна), где была основана столица Пандавов Индрапрастха. Эпизод о сожжении леса Кхандава завершает первую книгу «Махабхараты».
- ⁴⁵ Нараяна – древнее божество, по всей видимости, аборигенного происхождения; в постведийское время идентичен Вишну. Нараяной здесь называют Кришну.
- ⁴⁶ Пхальгуна – Рождённый под созвездием Пхальгуни (Льва), имя Арджуны.
- ⁴⁷ Варуна – один из наиболее значительных богов ведийского пантеона, хранитель космического миропорядка. В эпосе его роль значительно снижена: Варуна властвует над водами и – как один из локапалов, хранителей мира, – над Западом; его обитель – океан.
- ⁴⁸ Дварка – столица племени ядавов, основанная Кришной при переселении из Матхуры. После истребления племени в результате битвы на палицах город был поглощён океаном. Отождествляется с современной Дваркой в Гуджарате.
- ⁴⁹ Прадакшина – см. примеч. 35.

Глава 2

Вайшампаяна сказал:

И вот (Пандавы), йоге предавшиеся, свой дух обуздавшие, в северные края вступили и узрели могучий хребет Химавана¹. Миновав эту гору, увидели они море песка, а затем предстала их взорам Меру² вершина великая, лучшая из вершин. Братья, следуя дхарме йоги, устремились к ней быстро все вместе, но тут Яджнясени³, прервав йогу, пала на землю (без сил). Увидев, что та упала, могучий Бхимасена сказал Царю дхармы, указуя на Яджнясени: «О губитель врагов! Никогда

эта царская дочь не поступала вразрез с дхармой, так в чём же причина, о царь, что пала за смерть Кришна?»

Юдхиштхира сказал:

6 Другим (мужьям) предпочитала она (Арджуну), Завоевателя богатств, и вот теперь пожинает она плоды этого, о первый среди людей!

Вайшампаяна сказал:

7-9 С этими словами, не взглянув на неё, последовал далее в мысленном сосредоточении царь, Дхармы сын многомудрый, муж-бык, верный дхарме. И вот наземь пал мудрый Сахадева. Увидев, что он упал, обратился к царю Бхима: «Отчего же пал наземь готовый всегда к услужению всем нам несвоекорыстный сын Мадри?»

Юдхиштхира сказал:

10 В мудрости он никого не считал себе равным, и царского сына настиг теперь плод этого заблуждения.

Вайшампаяна сказал:

11-20 Молвил так Каунтея Юдхиштхира и, Сахадеву оставив, двинулся далее вместе с братьями и собакой. Увидев, что пали Кришна и Пандава Сахадева, герой Накула, милый родным, также пал наземь. Когда пал прекрасный герой Накула, Бхима вновь обратился к царю: «Вот и Накула, брат наш, верный дхарме несокрушимой, (нашему) слову послушный, с кем никому не сравниться красотой в этом мире, пал наземь». Так отвечал на слова Бхимасены о Накуле Юдхиштхира, верный дхарме, первый из всех, мудростью наделённых: «Мнилось ему, что нет в красоте ему равных. „Я самый лучший!“ – так он считал. Потому и пал Накула. Так что ступай дальше, Врикодара⁴! Что кому уготовано, о герой, то непременно случится!» Увидев, что те упали, терзаемый горем, пал следом наземь и героев-врагов сокрушитель – Пандава (Арджуна) Белоконный⁵. Когда упал за смертью этот муж-тигр, пылом подобный Шакре⁶, неодолимый (герой), Бхима вновь обратился к царю: «Я не припомню за ним, душою великим, лжи, даже случайно произнесённой, так чьей же злой волей он повержен на землю?»

Юдхиштхира сказал:

21-22 Арджуна, мнивший себя героем, как-то сказал, что лишь за день один он уничтожит врагов, но не исполнил своего обещания. Вот потому-то и пал он наземь. Всех лучников презирал Пхальгуна. А ведь тот, кто желает добиться успеха, должен держать своё слово.

Вайшампаяна сказал:

23-24 С этими словами отправился царь дальше, и тут пал наземь Бхима, а упав, обратился к Царю дхармы Юдхиштхире: «О царь, взгляни на меня! Я, твой любимец, пал наземь! Почему я умираю, скажи, если знаешь!»

Ю д х и ш т х и р а с к а з а л:

Ты, Бхимасена, — чревоугодник великий, ты похвалялся мощностью своей, забывал о других, и потому ты повержен на землю. 25

В а й ш а м п а я н а с к а з а л:

Молвив так (Бхиме), царь мощнодланый последовал дальше, не оглянувшись. И только собака, о которой уже много раз было сказано, бежала за ним. 26

*Такова в «Книге о великом исходе»
великой «Махабхараты» вторая глава.*

Примечания

- ¹ Х и м а в а н — Гималаи. Север, северные горы связаны в мифологии с местопребыванием богов.
- ² М е р у — мифическая гора, обитель богов; функционально тождественна мировому столпу, центру земли.
- ³ Я д ж н я с е н и — патронимическое имя Драупади, дочери Яджнясены (Друпады), царя панчалов.
- ⁴ В р и к о д а р а — Волчья утроба, прозвание Бхимасены, не имеющее отрицательного значения; дано герою за способность переварить даже смертельный яд калакуту.
- ⁵ Колесница Арджуны запряжена четвёркой белых коней, откуда его имя Белоконный.
- ⁶ Ш а к р а — Могучий, эпитет Индры, главного божества ведийского пантеона, бога-громовержца. В эпосе его роль значительно снижается: он — царь богов, один из локапалов (правитель Востока).

Глава 3

В а й ш а м п а я н а с к а з а л:

Партхе¹ явился Шакра, на колеснице стоящий, грохотом оглашая небо и всю землю, и обратился к нему: «Поднимайся (ко мне)!» Но Юдхиштхира, Царь дхармы, терзаемый скорбью, видя, что пали его братья, так отвечал Тысячеокому²: «Пали братья мои. Пусть и они идут сюда вместе со мною, ибо без братьев не хочу я на небо взойти, о Владыка богов³! Пусть же идёт вместе с нами и нежная царская дочь (Драупади), достойная счастья, о Разрушитель твердынь⁴! И да согласишься ты с этим!» 1-4

И н д р а с к а з а л:

Ты увидишь всех — братьев вместе с Кришною (Драупади) и сыновей, прежде ушедших на третье небо⁵, о бык-бхарата, — не печалься! Отринув брренное тело⁶, удалились они (туда). Ты же, о бык-бхарата, в телесном облике неба достигнешь, — нет в том сомнения. 5-6

Ю д х и ш т х и р а с к а з а л :

7 Собака эта мне верно служила, о властвующий над тем, что минуло и что предстоит! Пусть же она идёт вместе со мною — это моё истинное желание.

И н д р а с к а з а л :

8 О царь, обрёл ты теперь великую славу, радости неба, бессмертие, беспредельное благо, — со мной ты сравнялся! Оставь же собаку, тут нет вероломства!

Ю д х и ш т х и р а с к а з а л :

9 О владыка Тысячеокий, не подобает достойному совершать неблагие деяния! Чего стоит обретение счастья, если ради него придется покинуть того, кто мне верен?

И н д р а с к а з а л :

10 Нет для того, кто с собакой, места на небесах, ибо заслуги, обретенные жертвоприношениями, уносят тогда (демоны), «обуянные гневом»⁷. Подумай и поступи (как должно), о Царь дхармы! Оставь же собаку, тут нет вероломства!

Ю д х и ш т х и р а с к а з а л :

11 Бросить того, кто тебе предан, — значит, совершить грех беспримерный. Лишь брахмана убийство сравнимо с этим в мире. Подобного я никогда не сделаю, о Махендра⁸! Я не покину (собаку) ради своего блага!

И н д р а с к а з а л :

12–13 Если собака только посмотрит на оставленное открытым жертвенное подношение или на то, как оно предаётся огню, (демоны), «обуянные гневом», прочь утаскивают его. Поэтому брось собаку, и если оставишь её, обретёшь мир богов! Оставил же ты братьев и даже любимую Кришну, но в согласии с собственной кармой⁹, герой, ты обрёл этот мир. Так почему бы тебе не бросить эту собаку? Или ныне тебя смущает полное отречение (от всех своих спутников)?

Ю д х и ш т х и р а с к а з а л :

14–15 Нет ни разлуки, ни соединения между смертными и уже умершими — такой в мирах установлен закон. Не в силах я их воскресить, оттого и оставил их, чего (не свершил бы), будь они живы. Отвергнуть того, кто пришёл за защитой, убить женщину, покушаться на собственность брахмана и предать друга — эти четыре (греха) равны отречению от того, кто тебе предан, о Шакра, — так я считаю.

В а й ш а м п а я н а с к а з а л :

16–23 Услышав такие слова Царя дхармы, довольный, предстал перед ним в своем собственном облике бог Дхарма¹⁰ и обратился к Юдхистхире, Индре людей¹¹, его восхваляя, с ласковым словом: «Ты явился на свет, о Индра царей, с образом жизни отца твоего, с его мудростью и состраданием ко всем существам, о бхарата! И прежде в Двайтаване я испытал тебя, сын мой, ко-

гда твои братья, возжелавшие взять воду силой, были убиты¹². Равно о благе обеих матерей радея, ты отрёкся тогда от Бхимы и Арджуны, своих (родных) братьев, и предпочёл вернуть к жизни¹³ Накулу. Вот и сейчас ты отверг колесницу богов¹⁴, — так дорога тебе эта собака! Оттого нет никого тебе равного на небесах, о владыка людей! О бхарата, лучший из бхаратов, обрёл ты в телесном облике нетленные миры, (ступив) на высочайшую небесную стезю». И вслед за этим Дхарма, Шакра и Марута¹⁵, оба Ашвина, боги и риши божественные, приняв на ту колесницу Пандаву, тронулись в путь на волшебных своих колесницах, и (с ними) сиддхи¹⁶, пречистые праведники, чьи достойны помыслы, речи, поступки, те, что движутся по своему желанию.

Царь (Юдхиштхира), род Куру продливший, на колесницу взойдя, взмыл вверх так стремительно, что пламень пронизал небо и землю. Тут Нарада¹⁷, знаток всех миров, великий в речах и великий в подвижничестве, стоя в собрании богов, громко сказал такие слова: «Сколько ни есть царственных риши, все явились они, но поистине царь куру превосходит их своей славой. Не слышали мы о другом таком (муже), кто бы, как Пандава, явился (сюда) в телесном обличье, превзойдя (все) миры своей славою, пылом, средоточием добродетелей». Речь Нарады выслушав, царь, верный дхарме, сказал, обращаясь к богам и царям-соратникам: «Благо то принесет мне или же зло, но место моё — среди братьев. И только там я хочу оказаться, других же миров не желаю». Услышав слова царя, так сказал Разрушитель твердынь, Царь богов, Юдхиштхире, исполненному сострадания (к близким): «Останься в этом мире, о Индра среди царей, ведь ты завоевал его своими благими деяниями. Отчего ты и ныне не перестанешь испытывать человеческую привязанность? Обрёл ты высшую награду, что недоступна никому другому, о радость рода Куру! А это место недостижимо для твоих братьев. Ты и сейчас не можешь отрешиться от бытия людского, о владыка людей, но посмотри — это небо, здесь (пребывают) божественные мудрецы и сиддхи, что достигли третьего неба». Но мудрый Юдхиштхира, выслушав речь Индры богов, вновь обратил к владыке слова, (особого) исполненные смысла: «Без братьев не мила мне жизнь здесь, о сокрушитель дайтев¹⁸! И я хочу последовать туда, куда они удалились и где (находится) Драупади, моя любимая (супруга), лучшая из женщин, великая¹⁹ Шьяма, чьё достоинство — ясность ума²⁰».

*Такова в «Книге о великом исходе»
великой «Махабхараты» третья глава.*

КОНЕЦ «КНИГИ О ВЕЛИКОМ ИСХОДЕ»

Примечания

- ¹ Партха – матронимическое имя трёх старших братьев Пандавов, сыновей Притхи (Кунти). В данном случае – именование Юдхиштхиры.
- ² Тысячелкий – эпитет Индры, в эпосе символизирует его мудрость и всезнание. По другой версии, на теле Индры возникла тысяча глаз вследствие проклятия мудреца Гаутамы, супругу которого Ахалью преследовал Индра.
- ³ Владыка богов – эпитет Индры, царя богов.
- ⁴ Разрушитель твердынь – имя Индры, соотносимое с его подвигами, упомянутыми в Ведах.
- ⁵ Третье небо – небо Индры. Согласно мифологическим представлениям, небесное царство, где правит Индра, покровитель воинского сословия, царь богов и идеал для царя земного; туда уходят воины, геройски павшие в бою. Для кшатрия смерть в честном бою является аналогом религиозной заслуги, накапливаемой путем совершения жертвоприношений богам.
- ⁶ Отринув бренное тело... – эпическая метафора смерти.
- ⁷ «Обуянные гневом» – кродхаваша, название класса недифференцированных злых духов. Собака в индийской мифологии считалась существом нечистым, связанным с миром мёртвых, и в этом источник двойственного к ней отношения. Собакам и воронам предписывалось отдавать остатки жертвенной пищи (своего рода поминальные жертвы). Прикосновение к собаке и даже её взгляд считались (особенно для брахманов) источником осквернения. Вместе с тем в ведийской мифологии особым почитанием пользовалась божественная собака Сарамы, помогающая Индре найти коров, угнанных демонами пани.
- ⁸ Махендра – Великий Индра, одно из имён божества.
- ⁹ Учение о карме как сумме благих и дурных дел, определяющей статус и судьбу человека в новом рождении, в эпосе ещё не получило окончательного оформления.
- ¹⁰ Дхарма – божество, персонифицирующее мировой нравственный закон, высшую справедливость; согласно «небесной» родословной – отец Юдхиштхиры. В данном эпизоде, после того как Юдхиштхиру испытывает Индра, истинным испытателем выступает Дхарма, скрывший свой облик под личиной собаки.
- ¹¹ Индра людей – так называемая индрова метафора; в эпосе относится к героям, сражающимся со злом, подобно Индре – противнику демонов. Применительно к Юдхиштхире указывает также на характеристику его как идеального царя (Индра – царь богов).
- ¹² Двайтавана – лес, место изгнания Пандавов. Здесь говорится об испытании мудрости и справедливости Юдхиштхиры в эпизоде встречи с якшей – Дхармой (см. «Махабхарата», кн. III, гл. 295–299).
- ¹³ Бог-испытатель предложил Юдхиштхире, правильно ответившему на вопросы, выбрать, кого из умерщвлённых братьев следует оживить. Юдхиштхира выбрал сводного брата Накулу, сына второй жены Панду – Мадри.
- ¹⁴ Колесница богов – обычный в эпосе атрибут посмертного пути праведного человека.
- ¹⁵ Марута – имя бога ветра Ваю.
- ¹⁶ Сиддхи – разряд полубожественных существ, достигших духовного совершенства и обладающих сверхъестественными способностями.
- ¹⁷ Нарادا – божественный мудрец-риши, посланец богов, согласно одной из версий – сын Брахмы.
- ¹⁸ Сокрушитель дайтев – эпитет Индры; дайтев – слабо дифференцированный разряд демонов, соперников богов.
- ¹⁹ Великая (bṛhati) – «большая», «широкая», эпитет многих эпических героинь.
- ²⁰ В тексте – buddhisattvagūṇānvitā; саттва – одна из трёх гун (другие – раджас и тамас), изначальных составляющих любого природного объекта. Знание, интеллект (buddhi) связаны с гуной саттва (светлой).

КНИГА XVIII. «О ВОСХОЖДЕНИИ НА НЕБЕСА»

Глава 1

Джана меджая сказал:

В каких же местах удостоились пребывать предки мои Пандавы и сыновья Дхритараштры, достигнув третьего неба? О том хочу я услышать, ибо знаю, что ты — всеведущ. Сам риши Вьяса¹ великий, чьи деяния удивительны, передал тебе это знание. 1-2

Вайшампаяна сказал:

Так слушай же о том, что стало с Юдхиштхирой и другими твоими предками, что обрели третье небо. Достигнув третьего неба, Царь дхармы Юдхиштхира увидел Дурьодхану возлежащим на ложе, обретшим счастье, осенённым Шри². Сиянием солнцу подобный, исполненный славы геройской, он был окружён сияющими богами и садхьями³, деяния чьи святы. Увидев Дурьодхану, не смог сдержаться Юдхиштхира и побыстрее отвернулся, чтобы не видеть, как благоденствует Суйодхана⁴. Громко воззвал он к тем (небожителям): «Не желаю я (пребывать здесь) вместе с алчным и скудоумным Дурьодханой, эти миры (обретшим). Из-за него мы прежде претерпевали муки, (скитаясь) по глухим лесам⁵, и, выстояв затем в битве, сгубили родичей, друзей, всю землю. Из-за него достойная супруга наша с безупречным телом — Драупади Панчали⁶ — в Собрании была унижена в присутствии старейших. О боги, благо вам, но не желаю я видеть Суйодхану. Хочу отправиться туда, где пребывают ныне мои братья». «Такого да не будет! — сказал ему с улыбкой Нарада. — Теперь ты на небе, о Индра среди царей⁷, и здесь угасает (былая) вражда. О мощнодланый Юдхиштхира, не следует тебе так говорить о царе Дурьодхане. Послушай, что я скажу тебе. 3-12

Царь Дурьодхана почитается здесь наряду с тридцатью богами⁸ и праведниками, лучшими из царей, что пребывают на небе. Принеся своё тело в жертву (огню) битвы⁹, ступил на стезю, ведущую в мир героев, тот, с кем вы, богоподобные, сошлись в бою. Исполнением дхармы кшатрия¹⁰ обрёл этот мир правитель земли, сохранивший бесстрашие, когда всё вокруг было объято ужасом. Не следует мыслями возвращаться к тому, что принесла с собой та игра, не стоит вспоминать о страданиях Драупади и о других мучениях ваших, что были вызваны той 13-26

игрой. О том, что (пережито) в битвах и в иных случаях, не должен ты вспоминать. Встреться с царём Дурьодханой как подобает! Ведь это небеса, и здесь не место распрям, о властелин потомков Ману! ¹¹» Выслушав речь Нарады, царь куру, мудрый Юдхиштхира, произнёс такие слова, вопрошая о братьях: «Раз эти вечные миры героев принадлежат Дурьодхане, знающему, как обойти дхарму, злодею, нанесшему вред друзьям (моей) земли ¹², тому, из-за которого погублена земля вместе с конями, колесницами и слонами, и нас, вражде противопоставших, испепелило яростью, – то каких же миров удостоились те герои – братья мои, великие духом, верные обещаниям, великие обеты вершащие, правдоречивые? Я желаю увидеть их и (с ними) – Карну Каунтею ¹³, великого духом, средоточие истины. (Хочу я увидеть также) и Дхриштадьумну ¹⁴, и сыновей его, и Сатьяки ¹⁵ – тех царей, что приняли смерть от оружия во имя кшатрийской дхармы. Где же эти цари, о брахман? Я их не вижу, Нарада! Желаю увидеть я, Нарада, Друпату ¹⁶, Вирату ¹⁷ и тех, во главе которых стоял Дхриштaketу ¹⁸, и Панчалью Шикхандина ¹⁹, и всех сыновей Драупади, и Абхиманью ²⁰ неодолимого!»

*Такова в «Книге о восхождении на небеса»
великой «Махабхараты» первая глава.*

Примечания

- ¹ Вьяса – мудрец-риши, согласно эпической родословной – дед Пандавов и кауравов, легендарный «автор» «Махабхараты». Полное его имя – Кришна (Чёрный) Двайпаяна (Островитянин, так как его мать, рыбачка Сатьявати, оставила сына на острове – dvīpa посреди Ямуны) Вьяса. Традиция приписывает ему первое исполнение эпоса.
- ² Шри – богиня царской удачи и благополучия, богатства и счастья, мифическая супруга каждого праведного царя; первоначально – супруга царя богов Индры, затем – Вишну.
- ³ Садхьи – класс божественных существ, разряд небожителей; изредка упоминаются в Ведах, позднее смешиваются с сиддхами.
- ⁴ Суйодхана – Легкоодолимый, уничижительное именование Дурьодханы, употребляемое обычно его противниками. Значение имени Дурьодханы – Трудноодолимый. Возможно, подобное изменение имени противника является отголоском воинской магии.
- ⁵ Об изгнании Пандавов в леса повествуется в III книге «Махабхараты» – «Лесной».
- ⁶ Панчали – этническое имя Драупади, происходящей из царского рода Южной Панчалы.
- ⁷ Индра среди царей – обращение к Юдхиштхире, означающее «царь царей», поскольку Индра мыслится царем-прототипом земного царя.
- ⁸ Тридцать богов – традиционное число богов индийского пантеона.
- ⁹ Эпическая метафора смерти в данном случае связана с осмыслением битвы как ритуала принесения жертвы (жертвенного возлияния) в огонь.
- ¹⁰ Дхарма кшатрия – долг воина, члена варны кшатриев. В данном случае дхарма – комплекс правил и обязанностей, предписанных определённой сословной группой, вытекающих из всеобщего религиозно-этического закона. Неукосни-

тельное соблюдение своей дхармы приносит благие плоды (для воинов – обретение неба, царства Индры).

¹¹ Люди считаются потомками прародителя Ману, сына Солнца.

¹² Намёк на то, что кауравы погубили многих сторонников Пандавов, царей союзных племён.

¹³ Каунтея – сын Кунти, в данном случае – именование Карны (обычно относится к Юдхистхире, Бхимасене и Арджуне). Карна – сын Кунти, рождённый ею от бога солнца Сурьи до брака с Панду и усыновлённый сурью Адхиратхой; старший брат Пандавов, оказавшийся волей судьбы во вражеском лагере.

¹⁴ Дхриштадьюмна – сын Друзады, брат Драупади.

¹⁵ Сатьяки – он же Ююдхана, герой из рода ядавов.

¹⁶ Друзада – отец Драупади, царь Южной Панчалы.

¹⁷ Вирата – царь матсьев, союзник Пандавов; жизнь Пандавов при дворе Вираты, где они провели тринадцатый год изгнания, описана в IV книге «Махабхараты».

¹⁸ Дхриштакету – царь Чеди, союзник Пандавов.

¹⁹ Шикхандин – сын Друзады, в прошлом – девушка, поменявшаяся полом с якшей, чтобы отомстить оскорбившему её в прошлом рождении Бхишме, деду Пандавов и кауравов.

²⁰ Абхиманью – сын Арджуны и Субхадры, сестры Кришны.

Глава 2

Юдхистхира сказал:

Радхею ¹, безмерного мощью, не вижу я здесь, о боги, как и братьев обоих, великих душой, – Юдхаманью и Уттамауджаса ². Где же все те великоколесничные воины, отвагой подобные тиграм, те цари и царские сыновья, что погибли в бою из-за меня, – те воины на мощных колесницах, что принесли тела свои в дар огню битвы? Завоевали ли они, достойнейшие из мужей, сей мир? И если все те великоколесничные герои обрели эти миры, то знайте, о боги, что и я остаюсь вместе с ними, великими духом. Но если же те цари не удостоились этого мира, нетленного и благого, то без них – без родных и братьев моих – я здесь не останусь. Я слышал, как сказала наша мать во время поминального возлияния воды: «Да совершится поминание Карны», – и это терзает меня. Всё возрастает скорбь моя, о боги, (когда я думаю) о двух подобных меж собою поступках матери по отношению к нему, безмерному мощью ³. Увидевшись с Карной, погубителем вражеской рати, я не последовал за ним! Будь Карна вместе с нами, не одолел бы нас в бою сам Шакра! Хочу я видеть сына Сурьи, что был повержен Савьясачином помимо моей воли ⁴, где бы он ни был. Хочу я видеть грозноотважного Бхиму, что для меня дороже жизни, и Арджуну, равного Индре, и близнецов, что сравнимы с Ямой, а также Панчали, приверженную дхарме. Я не желаю здесь оставаться, – истинно говорю вам это! О лучшие среди богов! Зачем мне небо без моих братьев! Небо для меня там, где они, а это я не считаю небом.

13 Боги сказали:

Если такова твоя воля, ступай же немедля, сын мой, туда, где повеленьем Царя богов пребывают те, что тебе дороги.

В айшампаяна сказал:

14–25 Сказав так, наказали тогда боги божественному посланцу: «О усмиритель врагов! Покажи Юдхиштхире тех, кто мил его сердцу». И вот посланец богов и с ним – царь, сын Кунти, отправились, о царь-тигр, туда, где пребывали мужи-быки. Божественный посланец шёл впереди, а следом за ним – царь. Путь их был неблагим и тяжким, служил он обиталищем деяниям греховным. Окутанный тьмой, ужасный, весь в пятнах зелени от тины – человеческих волос, он был уготован грешникам, зловонный от (гниющей) плоти, крови, жира. Вокруг кишели мухи, жалящие гады, рои слепней и ос; усеян был повсюду трупами тот путь, покрыт костями и прядями волос, кишел червями, полон муравьёв и окружен со всех сторон пылающим огнем. Железноклювые стервятники и стаи воронья носились там, кружили преты⁵ с клыками-иглами, подобные вершинам Виндхья⁶. Измазанные кровью, жиром, со вспоротым нутром и с отсеченными руками и ногами (трупы) лежали там и тут. Царь Юдхиштхира, верный дхарме, шёл смердящим трупами (путём), вздымавшим волосы от ужаса, погружённый в глубокие думы. Там увидел он реку неодолимую, полную кипящей воды, и лес, (на деревьях) которого вместо листьев были разящие ножи и мечи, а рядом – раскаленные пески⁷ и железные глыбы, железные котлы с кипящим маслом. Увидел Каунтея там колючую шалмалику, покрытую шипами, что ранит прикосновением. Вот каковы были страдания, (что уготованы) грешникам.

26–36 Этот (мир) зловонный он окинул взором и спросил у Наряды: «Как долго нам ещё идти подобною дорогой? Где мои братья, – ты должен поведать мне это. Желая я знать, что это за край, принадлежащий богам». Остановился, выслушав вопрос Царя дхармы, божественный посланец и так ему ответил: «Это твой путь, а мне боги повелели вернуться. Но если ты утомился, о Индра царей, ты тоже можешь пойти назад». И Юдхиштхира, отчаявшись, в смятении от смрада, решил было возвратиться и повернул обратно, о бхарата! Готовый вернуться, обуянный горем, страдая, услышал он, душою верный дхарме, со всех сторон горькие слова взывавших к нему: «О сын Дхармы, о царь-мудрец, о Пандава высокородный, из состраданья к нам остановись хоть на мгновение! Едва вступил ты в этот ужасный край, тотчас повеяло прохладным ветром. За ароматом, что (исходит) от тебя, он следовал, и тем принёс нам благо. Тебя увидев, мы обрели блаженство (впервые) за долгий срок, о Партха, лучший среди царей, муж-бык! Остайся хоть на миг, о мощнодланый

бхарата! Пока ты здесь, о Кауравья, нас не терзают муки». Такие слышал он, о царь, в этом краю стенания множества страдалцев, взывавших к нему.

Слыша слова тех, что в отчаянье звали его, воскликнул Юдхиштхира: «О горе!» — и замер на месте. Прежде он несомненно слышал голоса тех несчастных мучеников, но теперь не узнавал их Пандава. Не понимая, чьи это голоса, сын Дхармы Юдхиштхира спросил: «Кто вы и почему оказались здесь?» И в ответ послышалось отовсюду: «Я — Карна, я — Бхимасена, я — Арджуна, о могучий! Я — Накула, я — Сахадева, я — Дхриштадьумна» — и далее: «Я — Драупади, мы — сыновья Драупади», — вот какие слышались возгласы. Услыхав голоса, что были схожи (в унынии) со здешней землёй, царь воскликнул: «Что же такое сотворила судьба! Какое постыдное дело совершили великие духом Карна, сыновья Драупади и сама тонкостанная Панчалийка, что пребывают они в этом ужасном, смердящем грехами краю? Не знаю я никакого проступка за теми, кто лишь добродетель вершил. Что же такое сумел совершить царь Суйодхана, сын Дхритараштры, что отныне он, грешник, вместе со всеми приспешниками Шри осеняем? Точно Махендра он пребывает, владея Лакшми⁸, окружённый высочайшим почтением. По чьей же злой воле попали в Нараку⁹ мои (сподвижники)? Герои, во всякой дхарме искушённые, приверженные истинной стезе, они радели о кшатрийской дхарме, мудрые вершители жертвоприношений с обильными дарами. Сплю я или же бодрствую? В уме я или безумен? Уж не повредился ли я рассудком, не помутился ли разум мой?»

Отчаянием, тоскою обуянный, долго сокрушался царь Юдхиштхира, в смятении чувств от подобных мыслей. Дав волю гневу, сын Дхармы, царь Юдхиштхира, принялся упрекать богов и самого Дхарму. Страдая от резкого смрада, он сказал посланцу богов: «Ступай, о достойный, к тем, чей ты посланец, а я не вернусь туда. Передай им, что я остаюсь, ибо, видя опору во мне, испытывают облегчение братья мои». Напутствуемый речью мудрого сына Панду, отправился посланец (богов) туда, где пребывает Шатакрату¹⁰, Царь богов. Рассказал он ему о намерении Царя дхармы в точности так, как было сказано сыном Дхармы, о властелин людей!

*Такова в «Книге о восхождении на небеса»
великой «Махабхараты» вторая глава.*

Примечания

¹ Радхея — Карна, называемый так по имени его приёмной матери Радхи.

² Воины, сторонники Пандавов.

- ³ Не вполне понятное место. Возможно, поминальная жертва водой пробуждает в Юдхиштхире скорбные воспоминания о том, что его мать Кунти отеклась от своего старшего сына Карны, родившегося ещё до её брака с Панду, и пустила корзину с младенцем по воде, фактически обрекая его на смерть.
- ⁴ Арджуна (Савьясачин) вероломно погубил Карну, когда тот не мог сражаться: колесо его колесницы застряло в земле (об этом говорится в конце VIII книги «Махабхараты»).
- ⁵ Преты — разряд враждебных человеку духов, души умерших, не получившие поминальных жертв и потому вечно страдающие от голода.
- ⁶ Виндхья — горный хребет, отделяющий северную Индию от Деканского плато.
- ⁷ В тексте — *kaṅambhavālukā*, «песок, (горячий) как каша», одно из наказаний индуистского ада.
- ⁸ Лакшми — то же: Шри, богиня счастья, удачи и процветания.
- ⁹ Нарак — индуистский ад, расположенный под нижним миром (Паталой), насчитывает несколько уровней, «специализированных» в соответствии с грехами.
- ¹⁰ Шаткрату — Совершитель ста жертвоприношений, эпитет Индры.

Глава 3

Вайшампаяна сказал:

- 1–8 Остался там Партха Юдхиштхира, Царь дхармы, о Кауравья, и тут же перед ним предстали боги во главе с Шакрой. Сам Дхарма во плоти явился туда, где был царь куру Юдхиштхира, чтобы увидеться с ним. Когда собрались все боги, тела которых источали свет, те, что действуют на благо людям, рассеялся мрак тьмы, о царь! И более не устрашали взор страдания грешников, исчезли и река Вайтарани, и колючая шалмали, пропали жуткие железные котлы и камни, и изуродованные трупы, лежавшие повсюду. Увидел царь Каунтея тех, что были невидимы. И тут, о бхарата, нежный, прохладный ветер, ласкающий своим прикосновением, несущий свежий аромат, овеял (место), где пребывали боги. Сам Шакра вместе с марутами¹, Ашвинами, васу², а также садхьи, рудры³, адитьи⁴ и все другие небожители, и с ними сиддхи и божественные риши⁵ — собрались там, где пребывал великий пылом духа⁶ царь, сын Дхармы.
- 9–20 Тут Шакра, Царь богов, высочайшей Шри осеняемый, так сказал Юдхиштхире, утешая его: «О Юдхиштхира мощнодланный, боги довольны тобою! Приблизься, муж-тигр, — тем поступком своим ты обрёл совершенство, и отныне, о царь, тебе принадлежат нетленные миры. Не должно тебе гневаться, сын мой! Выслушай эти слова: каждый царь непременно должен увидеть Нараку, — и тот, что совершал благие дела, и тот, что совершал злодеяния, о муж-бык! Тот, кто вначале наслаждается благими (плодами), затем ввергается в ад. А тот, чей удел — ад вначале, впоследствии обретает небо. Свершивший тягчайший грех вначале достигает небес. Поэтому мною, о царь, для твоего же блага был назначен тебе этот путь. Тобой был обманут Дрона насчёт его сына⁷, и в силу того обмана тебе была явлена На-

рака. Подобно тебе Бхима, Партха (Арджуна), Накула и Сахадева, а также Кришна Драупади попали в Нараку из-за обмана. Ступай же к ним, муж-тигр! Теперь они свободны от греха. Смотри, о бык среди мужей, — все твои родичи и цари-соратники, что полегли в бою, теперь достигли неба. Вот Карна, искусный лучник, лучший из тех, кто владеет оружием, о ком ты горюешь, — он великое благо обрёл. Посмотри — сын Адитьи⁸, муж-тигр, о владыка, находится там, где и должно ему находиться. Так отринь же печаль, о муж-бык мощнодланый! Смотри: и братья твои, и другие цари-соратники — каждый из них обрёл подобающее ему место. Да отпустит боль твою душу! Ты претерпел страдания, но отныне пребывай вместе со мною и благоденствуй, отринув печаль, о потомок Куру!

О Пандава, мощнодланый сын мой, насладись же плодами своих благих дел, которые ты совершил благодаря подвижничеству, (плодами) твоих дарений⁹. Отныне (здесь) на небе и боги, и гандхарвы¹⁰, и апсары¹¹, божественные девы, в беспыльные одежды облачённые, пусть почитают тебя, благоденствующего. Так обрети же миры, завоёванные тобой благодаря раджасуе¹² и возвращённые ашвамедхой¹³. То плод великий твоего подвижничества. Твои миры, о Юдхиштхира, выше, чем у других царей, сравнимы они с мирами Харишчандры¹⁴. Насладись же ими, о Партха! Будешь ты пребывать там, где Мандхатри, царь-мудрец, где царь Бхагиратха¹⁵, где Бхарата, сын Душьянты¹⁶. Вот Ганга¹⁷ небесная, благая река богов, что омывает троимирие. Войди в неё для омовения, о Индра царей! Когда ты свершишь омовение, всё, что (смертному) люду присуще, покинет тебя; не мучимый скорбью, свободный от неприязни (к врагам), будешь ты пребывать в благоденствии».

Когда так сказал Индра богов Юдхиштхире, Индре среди куру, сам Дхарма предстал перед ним во плоти и обратился к сыну: «О царь многомудрый, сын мой, мне по душе твоя преданность¹⁸, (звучащая) в твоих речах истина, смирение, стойкость. То было третье моё испытание из тех, которым я подвергал тебя¹⁹. Никакими усилиями невозможно заставить тебя отступить от природы твоей, о царь Партха! Прежде испытал я тебя в Двайтаване, когда ты (ушёл) на поиски дощечек для возжигания огня²⁰, и ты выдержал то испытание. Когда пали братья родные твои и Драупади, я в обличье собаки испытал тебя вновь, о бхарата, сын мой! Это третье твоё испытание: ради братьев своих ты решился остаться (в аду). Ты безупречен, великий долей, лишён прегрешений и наделён благом. Не в Нараке пребывают, о Партха, братья твои — это видение, вызванное, о владыка народов, Махендрой, Царём богов. Непременно, о сын мой, должно узреть Нараку всем царям, — вот почему и тебе на краткий срок выпало это худшее из зол. Ни Савьясачин, ни Бхима, ни мужи-быки близнецы, ни Карна, правдиворечи-

вый герой, не заслуживают надолго Нараки. Нараки не заслуживает и Кришна, царская дочь, о Юдхиштхира! Ступай же, ступай, о лучший из бхаратов! Взгляни – это Ганга, сквозь три мира бегущая».

38–41 Так сказал Дхарма твоему прадеду, царю-мудрецу, и вот вместе с Дхармой и всеми, кто пребывает вместе с тридцатью (божествами), он отправился в путь. Погрузившись в священную, риши воспетую Гангу, реку богов, очистительницу, царь расстался с человеческим телом. В водах омывшись, Царь дхармы Юдхиштхира облик небесный обрёл, отринув вражду и страдания. Затем Юдхиштхира, мудрый царь куру, сопровождаемый Дхармой, окружённый богами, тронулся в путь. Славу ему воспевали великие риши.

*Такова в «Книге о восхождении на небеса»
великой «Махабхараты» третья глава.*

Примечания

- ¹ М а р у т ы – в ведийском пантеоне группа братьев-близнецов (числом 21 и более), ведущих своё происхождение от бога Рудры (их другое название – рудры) и связанных с явлениями ветра, грозы; спутники Индры, его помощники в боях с асурами.
- ² В а с у – восьмичленная группа божеств ведийского пантеона, персонифицировавших природные явления (Ахан – день, Дхрува – Полярная звезда, Сом – Луна, Дхара – Опора, Анила – Ветер, Анала – Огонь, Пратьюша – Заря, Прабхаса – Сияние; состав группы может варьироваться); васу возглавляются Индрой.
- ³ Р у д р ы – «ревуны»; в Ведах – разряд божеств, связанных с явлениями бури и грозы. В эпосе – одиннадцатичленная группа небожителей во главе с Рудрой, древним ведийским божеством, олицетворявшим разрушительные силы грозы, в эпосе отождествляемым с Шивой.
- ⁴ А д и т ь и – группа древнейших богов ведийского пантеона (Митра, Варуна, Арьяман, Бхага, Дакша и другие), сыновья Адити, позднее отождествляемые с двенадцатью месяцами года, знаками зодиака.
- ⁵ Б о ж е с т в е н н ы е р и ш и – святые мудрецы-боги.
- ⁶ В е л и к и й п ы л о м д у х а – mahātejas; теджас (жар) – духовный пыл, пламень духа, мощь, накапливаемые йогической практикой, подвижничеством. Проявления теджаса – решимость, отвага, страстность.
- ⁷ Индра напоминает Юдхиштхире об эпизоде гибели Дроны, когда тот сложил оружие при ложном известии о гибели его сына в битве с Пандавами. Убийство Дроны стоит в ряду других поступков Пандавов, не соответствующих общим понятиям воинской этики и правилам ведения честного боя.
- ⁸ С ы н А д и т ь и – Карна, который по божественной родословной является сыном Кунти от Сурьи, бога солнца. Адитья – одно из имён Сурьи.
- ⁹ ... (п л о д а м и) т в о и х д а р е н и й. – Раздача даров считалась важной религиозной заслугой и влекла за собой благие плоды.
- ¹⁰ Г а н д х а р в ы – разряд небожителей, божественных музыкантов.

- ¹¹ А п с а р ы – «движущиеся в водах», первоначально – духи вод и растений, позднее – небесные девы, танцовщицы из царства Индры, доставляющие на небо героев, павших в честном бою (ср.: валькирии, хариты).
- ¹² Р а д ж а с у я – «рождение царя», ритуал царского посвящения, совершаемый над кшатрием при вступлении на престол; компоненты обряда: 1) колесничное состязание; 2) имитация захвата царём скота, принадлежащего родичам царя; 3) ритуальная игра в кости. В символике обряда прослеживаются две мифологические идеи: овладение пространством вселенной и начало нового временного цикла.
- ¹³ А ш в а м е д х а – обряд жертвоприношения коня, связанный с установлением суверенной царской власти.
- ¹⁴ Х а р и ш ч а н д р а – 28-й царь Солнечной династии, сын Тришанку, оставивший царство, жену, сына ради выполнения просьб мудреца Вишвамитры (менявшего облик испытателя), в результате чего Харишчандра и члены его семьи обрели божественный статус.
- ¹⁵ Б х а г и р а т х а – царь Айодхьи, аскетическими подвигами добившийся того, чтобы божественная Ганга спустилась на землю и освятила прах его предков, без чего они не могли обрести посмертное блаженство.
- ¹⁶ Б х а р а т а , с ы н Д у ш ь я н т ы – царь Лунной династии, общий предок Пандавов и кауравов.
- ¹⁷ Г а н г а – священная река индуизма и персонифицирующая её богиня; согласно мифологическим представлениям, течёт в трёх мирах. В функции главной мифологической реки индоариев Ганга сменяет ведийскую Сарасвати, заимствуя у неё и миф о нисхождении на землю.
- ¹⁸ В тексте – madbhakti; бхакти – причастность, служение богу – является одним из центральных понятий в индуизме; в общем смысле – предпочтительное служение одному божееству.
- ¹⁹ Далее в шлоках 31–33 следует рассказ Дхармы о троекратном прохождении Юдхиштхирой испытаний.
- ²⁰ Имеется в виду эпизод из III книги «Махабхараты», когда Дхарма в обличье оленя унёс на своих рогах дощечки для возжигания огня, лишив возможности некоего брахмана совершить жертвоприношение.

Глава 4

В а й ш а м п а я н а с к а з а л :

Царь Юдхиштхира, почитаемый сонмами марутов, богами и 1–8
риши, прибыл туда, где пребывали быки-куру. Там увидел он Говинду (Кришну), божественный облик обретшего, выглядевшего таким, каким его видели прежде: с сияющим телом, в окружении грозного, чудесного оружия небес в человеческом облике¹, начиная с чакры. Герой Пхальгуна, источающий яркое сияние, почитал его. В другом месте потомок Куру² увидел вместе с двенадцатью Адитьями Карну, отважнейшего среди тех, кто владеет оружием. Далее увидел он величественного, могучего Бхимасену, сонмы марутов окружали его. Там, где пребывают Ашвины, увидел он, радость куру, собственным пылом сияющих Накулу и Сахадеву. Увидел он далее Панчали, – достигнув небес в телесном обличье, с гирляндой из лилий и лотосов,

сияла она, точно солнце. О ней спросить пожелал царь Юдхиштхира, и тогда поведал ему Царь богов, владыка Индра:

9-19 «Ради тебя, о Юдхиштхира, Шри пришла в мир людей в облике Драупади³, не из женского лона рождённая, желанная миру, благоуханная. Сам (Шива) Владетель копья предназначил её, рождённую в роде Друпеды, для вашей услады, ей вы служили. Вот блеском подобные пламени пять гандхарвов, великих участью, — нет равных им мощью; то сыновья ваши от Драупади, о царь! Узри Дхритараштру⁴, гандхарвов царя многоумного; знай, что то — отца твоего старший брат. А это — блеском подобный огню сын Сурьи (Карна), твой старший брат, прославившийся как Радхей; смотри, о муж-бык, — шествует он вместе с Адитьей. Смотри, о Индра царей: среди сонмищ богов, садхьев, васу и марутов — великоколесничные воины — вришнейцы и андхаки, а также герои-бходжи⁵ во главе с Сатьяки, бойцы на великих колесницах. Смотри — вот рядом с Сомой⁶ Абхиманью⁷, непобедимый сын Субхадры, великий лучник, сиянием подобный Творцу ночи. Вот Панду, великий лучник, вместе с Кунти и Мадри. На колеснице волшебной твой отец всегда пребывает рядом со мной. Смотри — вот среди васу царь Бхишма, сын Шантану⁸. Знай, что тот, кто рядом с Брихаспати⁹, — это наставник Дрона. Эти и другие владыки земли и твои воины пребывают отныне среди якшей¹⁰, гандхарвов и праведников, о Пандава! Иные, лучшие среди царей, ступили на стезю гухьяков¹¹, отринув тело; завоевали они небо речами, помыслами и благими деяниями¹².

*Такова в «Книге о восхождении на небеса»
великой «Махабхараты» четвертая глава.*

Примечания

- ¹ Согласно мифологическим представлениям, божественное оружие одушевлялось, наделялось индивидуальным обликом и чертами.
- ² В тексте — *kuṅṇandana*. Возможен двоякий перевод: «потомок (рода) Куру» и «радость (рода) Куру»; эти значения взаимосвязаны, так как, согласно традиционному взгляду на потомство мужского пола, сын — всегда радость для рода.
- ³ Д р а у п а д и — супруга Пандавов, «пяти Индр», считается воплощением Шри, первоначально — супруги царя богов Индры, впоследствии — как Лакшми, ассоциировавшейся с Вишну.
- ⁴ Д х р и т а р а ш т р а — брат Панду, отца Пандавов, отец ста братьев-кауравов.
- ⁵ Б х о д ж и — название рода из племени ядавов.
- ⁶ С о м а — ведийское божество, отождествляемое с растением, из которого готовили жертвенный напиток, и с самим напитком (сомой). В эпосе — бог Луны, сын мудреца Атри, супруг 27 дочерей Дакши (звезд лунного зодиака).
- ⁷ А б х и м а н ь ю — сын Арджуны от Субхадры, сестры Кришны.
- ⁸ Ш а н т а н у — царь Лунной династии, его сыновья — Бхишма от богини Ганги и Вичитравирья от рыбачки Сатьявати.

- ⁹ Б р и х а с п а т и — божественный мудрец, родовой жрец и наставник Индры, которому он помогает священным словом в борьбе с асурами; в послеведийский период — сын Ангираса, покровитель жертвоприношения, регент планеты Юпитер.
- ¹⁰ Я к ш и — полубожественные существа, духи гор, воинственные стражи сокровищ, принадлежащих богу богатства Кубере.
- ¹¹ Г у х ь я к и — класс полубожественных существ из окружения Куберы.
- ¹² Здесь упоминается об общем для индоевропейских народов единстве: мысль, слово и действие.

Глава 5

Д ж а н а м е д ж а я с к а з а л :

Бхишма и Дрона, великие духом, царь Дхритараштра, Вирата, Друпادا, а также оба героя Шанкха и Уттара¹, Дхриштакету, царь Сатьяджит² и с ним Джаятсена³, Шакуни Саубала⁴ и сыновья Дурьодханы, царь Джаядратха⁵, смелые сыновья Карны, а также Гхатоткача⁶ и все другие воины, что не были названы, а также цари, что упомянуты, те герои, светлые обликом, — как долго они пребывали на небе? Поведай мне это. Вечно ли их пребывание (на небесах), о лучший из дваждырождённых? Что за стезя уготована этим мужам-быкам по исчерпанию (плода) их деяний⁷? Хочу я услышать, о брахман, твой об этом рассказ.

С у т а⁸ с к а з а л :

Выслушав просьбу царя, риши-брахман с дозволения Вьясы, великого духом, повёл свой рассказ.

В а й ш а м п а я н а с к а з а л :

Услышь же, о царь, властитель потомков Ману, бхаратабык, тайну богов; о том, что надлежит пройти всякому, когда исчерпается плод деяний, поведал мощнопламенный, исполненный пыла (Вьяса), наделённый божественным видением⁹, древний¹⁰ подвижник, сын Парашары¹¹, держатель великих обетов, тот, чей ум безграничен, кому ведомо всё, кто искушён в путях, предопределённых деяниями. Бхишма пресветлый, пылом духовным могучий, пребывает теперь среди васу; есть восемь васу, о бык-бхарата! Дрона соединился¹² с Брихаспати, лучшим среди Ангирасов¹³, а сын Хридики Критаварман¹⁴ пребывает отныне среди марутов. Прадьюмна¹⁵ по своём появлении соединился с Санаткумарою¹⁶, а Дхритараштра обрёл недостижимые миры бога богатства¹⁷. Гандхари¹⁸ славная (пребывает там) вместе с супругом, а Панду и обе жены его достигли края Махендры. Оба (царя) — Вирата вместе с Друпадой — и царь Дхриштакету, а также Нишатха, Акрура и Самба, Бхану и Кампа, и Видуратха, Бхуришравас и Шала, и Бхури, владыка земли, Уграсена и Канса, и Васудева¹⁹ отважный, и муж-бык Уттара, и брат его Шанкха — эти лучшие из мужей пребывают (теперь) среди всех богов²⁰.

16—25 Сын Пхальгуны, льва средь мужей, — Абхиманью — стал теперь Варчасом²¹, Сомы потомком могучим, исполненным пламенности. Сражаясь в согласии с дхармой кшатрия как никто другой из мужей, великоколесничный воин, всегда верный дхарме, он с Сомой соединился, когда исчерпалась его карма. Карна с отцом своим Солнцем соединился, Шакуни — с Двапарой²², о муж-бык, с Павакой²³ — Дхриштадьумна. Все сыновья Дхритараштры — ятудханы²⁴ неистовой мощи — ныне чисты, (приняв смерть) от оружия²⁵. Благо познавшие, великие духом, они обрели небеса. Царь Кшаттри²⁶, как и Юдхиштхира, с Дхармой соединился. Ананта²⁷, бог всемогущий, ныне ушёл в Расаталу²⁸: по повелению Прародителя²⁹ (Брахмы) держит он землю силою йоги. Шестнадцать тысяч жён было в окружении Кришны, и все они, когда пробил час, погрузились в (воды) Сарасвати³⁰. Ныне же, приняв облики апсар, все они вновь собрались вокруг Васудевы. Все герои, великоколесничные воины начиная с Гхатоткачи, павшие в битве великой, теперь разделили участь с богами и якшами. Известно, что ракшасы³¹ шли под началом Дурьодханы, и потому, о царь, впоследствии обрели они высшие миры. Мужики-быки, достигли они потом кто — Индры обители, кто — Куберы премудрого, а кто — миров Варуны. Этим тебе рассказано всё, о бхарата многосветлый, подробно о деяниях³² куру и Пандавов³³.

С у т а с к а з а л :

26—34 Пока совершался обряд принесения жертвы, царь Джанамеджая³⁴ слушал лучшего из дваждырождённых, исполнившись безмерного изумления. Меж тем жрецы завершили обряд, и был удовлетворён Астика, спасший всех змеев³⁵. Затем богатыми дарами³⁶ царь ублажил всех дваждырождённых, и, приняв от царя почести, они удалились туда, откуда пришли. Царь Джанамеджая отпустил брахманов, а сам вернулся из Такшашилы в Город слона³⁷. Теперь тебе рассказано всё, воспетое Вайшампаяной, как оно было поведано по повелению Вьясы на саттре³⁸ змеиной, (устроенной) царём (Джанамеджаей). (Сказание) это благое, называемое итихасой³⁹, священное, всех превыше, составил, о брахман, правдоречивый отшельник Кришна⁴⁰, всеведущий знаток предписаний, сведущий в дхарме, праведный, свои чувства смиливший, пречистый, подвижничеством подчинивший свой дух. Он тот, кто пребывает во власти, знаток санкхьи и йоги⁴¹, он тот, кто постиг неединую тантру⁴², прозрев её божественным оком. Он тот, кто разносит по миру славу Пандавов, духом великих, и других кшатриев, пламенем духа обильных.

35—45 Мудрый, тот, кто постоянно, каждую перемену луны⁴³, будет рассказывать это (сказание), избавившись от грехов и обретя небо, станет на путь слияния с Брахманом. Тот, кто во время шраддхи⁴⁴ прочтет брахманам хотя бы паду⁴⁵ (сказания), навечно обеспечит предкам неиссякающие питьё и пищу. Тот, кто в те

чение дня грешит чувствами или мыслью, на закате читая «Махабхарату», освобождается от греха. Что же касается дхармы, артхи, камы и мокши⁴⁶, о бык-бхарата, если это есть здесь, то есть и где-то ещё, а если этого нет здесь, то нет больше нигде. Итихаса эта известна под именем Джая – (Победа), и пусть внимает ей тот, кто желает достичь успеха – и царь, и царские сыновья, и супруга его, тяжёлая (царским наследником). Желающий неба достичь – да обретёт небеса! Тот, кто желает победы, – пусть добьётся победы! Беременная пусть обретёт сына или дочь со счастливой судьбой! Кришна Двайпаяна могучий, движимый желанием дхарму исполнить, за три года создал будущий свод «Бхараты»⁴⁷. Нарادا поведал её богам, Асита Девала⁴⁸ – питарам, Шука⁴⁹ – якшам и ракшасам, а Вайшампаяна – людям. Эта итихаса благая, исполненная великого смысла, сравнима поистине с Ведами. Тот человек, который будет читать её трём варнам⁵⁰ и в первую очередь – брахманам, освободившись от грехов, на земле обретя славу, высшего совершенства достигнет, – нет в том сомненья, о Шаунака⁵¹! Тот, кто, веруя, хотя бы паду изучит, постигая благое (сказание) «Бхарата», полностью от грехов очищается.

Риши великий – Вьяса славный, достойный, некогда создав этот свод, обучил сына Шуку таким четырьмя стихам: «Тысячи матерей и отцов, сотни сыновей и их жён, приходят (в мир) и будут ещё приходить, претерпевая (муки) сансары⁵². Тысячи радостных мест пребывания, сотни – внушающих страх, и день ото дня ожидают они невежду, но не ученого. Руки воздев, я об этом кричу, но никто мне не внемлет! Что пред дхармой богатство, желание! Но почему не читается она? Ни ради любви, ни из страха, ни из жажды наживы, ни даже во имя жизни дхарму нельзя отвергать. Постоянна лишь дхарма, преходящи же счастье и горе. Жизнь постоянна, преходящ лишь сам способ жизни. Тот, кто, встав рано утром, произносит (стихи) из «Бхараты» в качестве (гимна) Савитри⁵³, обретает плод «Бхараты» и постигает великий Брахман. Как Океан-владыку и хребет Химаван называют кладезями сокровищ⁵⁴, так же называют и «Бхарату». Тот, кто читает в глубочайшем сосредоточении сказание «Махабхарата», идёт к высочайшему совершенству, – нет у меня в том сомнения. Зачем окроплять себя водою из Пушкары⁵⁵ тому, кто постигает «Бхарату» – сказанье благое, грехи уносящее, чистое и святое, ни с чем не сравнимое, с уст Двайпаяны сошедшее!

*Такова в «Книге о восхождении на небеса»
великой «Махабхараты» пятая глава.*

ТАКОВА «КНИГА О ВОСХОЖДЕНИИ НА НЕБЕСА»

ТАК ЗАВЕРШАЕТСЯ ВЕЛИКАЯ «МАХАБХАРАТА»

Примечания

- ¹ Шанкха и Утгара – сыновья царя Вираты.
- ² Сатьяджит – один из царей, союзник Пандавов.
- ³ Джаятсена – царь Магадхи.
- ⁴ Шакуни Саубала – сын Субалы, правителя Гандхары, дядя кауравов по матери, их сторонник, Шакуни хитростью обыграл Юдхиштхиру в кости, что привело к последующим драматическим событиям, составляющим содержание эпоса.
- ⁵ Джаядратха – царь Синдху – Саувиры, сторонник кауравов.
- ⁶ Гхатоткача – сын героя Бхимасены от демоницы-ракшаси Хидимбы, союзник Пандавов.
- ⁷ Посмертное пребывание души определяется суммой грехов и добродетелей, совершенных человеком при жизни. По истечении некоторого срока душа обретает новое рождение, возвращаясь в мир сансары. Это представление лежит в основе концепции кармы.
- ⁸ Сута – сказитель, который пересказывает «Махабхарату» со слов Вайшампаяны.
- ⁹ В тексте – *divyasaṅṅ* – «обладающий чудесным зрением», т. е. особым даром, которым наделялись риши, создатели ведийских гимнов. Это свойство появляется, по-видимому, в так называемом изменённом состоянии сознания, которое наступает как под воздействием психоделических веществ, так и в результате применения различных йогических практик.
- ¹⁰ В эпосе определение «древний» практически синонимично определениям «мудрый», «святой». Древность – особо почитаемое достоинство.
- ¹¹ Сын Парашары – Вьяса. В эпосе не говорится о Парашаре, отце Вьясы. Известно, что рыбакка Сатьявати, ставшая впоследствии женой Шантану, оставила младенца Вьясу, который был чёрен и уродлив, на острове (отсюда его имя Кришна Двайпаяна, то есть Чёрный Островитянин).
- ¹² В тексте – *viveṣa* («вошёл», «проник»). Далее именно этим глаголом описывается процесс воссоединения героев эпоса с их небесными «предками», частичными воплощениями которых и являются герои.
- ¹³ Ангирасы – представители известного жреческого рода, связанного с почитанием огня; считаются авторами многих гимнов «Ригведы». К роду Ангирасов принадлежит Брихаспати.
- ¹⁴ Критаварман – царь из рода бходжей.
- ¹⁵ Прадьюмна – сын Кришны от Рукмини.
- ¹⁶ Санаткумара – Вечно юный, один из четырёх (или семи) сыновей Брахмы; иногда ассоциируется со Скандой, сыном Шивы.
- ¹⁷ Бог богатства – Кубера, владыка сокровищ, хранитель Севера, правитель якшей и гухьяков; пребывает на горах Кайласа, Гандхамадана.
- ¹⁸ Гандхари – царевна Гандхары, супруга Дхритараштры, мать ста братьев-кауравов.
- ¹⁹ Васудева – здесь: отец Кришны.
- ²⁰ Всебоги – вишведевы, малозначительный разряд ведийских божеств.
- ²¹ Варчас – сын Сомы, персонификация света, сияния, исходящего от небесных светил и от огня.
- ²² Двапара – некое мифическое существо, возможно, персонификация игровой кости или одного из видов удачного лишь наполовину броска.
- ²³ Павака – Очищающий, эпитет Агни, бога огня.
- ²⁴ Ятудханы – духи-оборотни, ассоциируемые с ракшасами. Борьба Пандавов и кауравов, в которых воплотились, соответственно, боги и демоны, осознаётся как земное продолжение их вечной космической битвы.
- ²⁵ Здесь упоминается свёрнутая мифологема «битва – жертвоприношение».

- ²⁶ К ш а т т р и – Видура, дядя Пандавов, сын Кришны Двайпаяны Вьясы от шудрянки Амбики, советник Дхритараштры, стремившийся предотвратить сражение между братьями; считается частичным воплощением бога Дхармы.
- ²⁷ А н а н т а – Бесконечный, змей Шеша, сюжетно связанный с Вишну; его воплощением считается Баларама, брат Кришны. По воле Брахмы Шеша поддерживает тысячей своих голов землю, пребывая в изначальных водах.
- ²⁸ Р а с а т а л а – один из семи уровней подземного мира, населённого демонами, врагами богов.
- ²⁹ П р а р о д и т е л ь – Брахма, один из трёх великих богов эпоса, персонификация высшего абсолютного начала во Вселенной. Данная фраза примечательна в свете брахманской редакции эпоса: Брахма определяет своей волей деятельность вишнуитской аватары Шеши-Ананты.
- ³⁰ С а р а с в а т и – священная река древности, истоки которой находятся в Гималаях; в Ведах описывается впадающей в море. Впоследствии река обмелела и затерялась в пустыне.
- ³¹ Р а к ш а с ы – демоны-оборотни, враждебные людям.
- ³² В тексте – *carita*, жанровый вид повествования.
- ³³ Этой шлокой подводится черта под собственно эпическими событиями.
- ³⁴ «Махабхарата» была впервые исполнена мудрецом Вайшампаяной для царя Джанамеджайи, устроившего жертвоприношение змеем, чтобы наказать их за гибель своего отца Парикшита, убитого змеем Такшакой.
- ³⁵ А с т и к а – отшельник, сын сестры змеиного царя Васуки. По его просьбе Джанамеджая прекращает жертвоприношение змеем.
- ³⁶ В обязанности царя входило одаривание (дакшина) брахманов, совершавших обряд жертвоприношения, заказанный царем. Раздача богатых даров брахманам считалась большой религиозной заслугой.
- ³⁷ Т а к ш а ш и л а – столица змея Такшаки, где проводилось жертвоприношение. Г о р о д с л о н а – Хастинапура.
- ³⁸ С а т т р а – длительное жертвоприношение.
- ³⁹ И т и х а с а – «быль», термин, которым «Махабхарата» свидетельствует достоверность происходящих в эпосе событий.
- ⁴⁰ К р и ш н а – здесь: Вьяса.
- ⁴¹ С а н к х ь я – философское учение, ранний этап становления которого зафиксирован в эпосе; впоследствии – одна из шести ортодоксальных систем (даршан) индийской философии. Й о г а – в эпосе обычно аскетическая практика; впоследствии – одна из даршан.
- ⁴² В тексте – *pa-eka-tantra*. Тантра – определённый тип текстов, принадлежащих к шиваитскому или шактистскому направлениям индуизма.
- ⁴³ В тексте – *ragvani*. Каждую перемену луны совершались определенные жертвоприношения. Здесь и далее формулируется так называемый «дар за слушание» священного текста, приравнивающий рецитацию «Махабхараты» по своим результатам к отправлению ритуала.
- ⁴⁴ Ш р а д д х а – поминальная жертва, ритуал «кормления» усопших; совершалась после смерти члена семьи (чтобы помочь ему добраться до царства Ямы и общиться к сонму предков) и регулярно в определённое время для всех предков рода.
- ⁴⁵ П а д а – «стопа», метрическая единица, равная четверти стиха.
- ⁴⁶ Здесь перечисляются жизненные ценности (цели) человека (триварга): соблюдение религиозно-этического долга (дхарма), обретение материальных ценностей (артха), продолжение рода (кама) и освобождение (мокша) от мира сансары (повторных рождений), достигаемое в результате неукоснительного следования трём первым целям.
- ⁴⁷ Считается, что вначале эпос о бхаратах насчитывал 24 тысячи стихов, а затем тот же Вьяса создал его в нынешнем виде, около 100 тысяч стихов.

- ⁴⁸ А с и т а Д е в а л а – мудрец-риши из рода Кашьяпы, современник эпических событий.
- ⁴⁹ Ш у к а – сын Вьясы, с детских лет предававшийся подвижничеству, достигший совершенства и попавший на небеса.
- ⁵⁰ В а р н ы – первоначально три, затем – четыре сословия древнеиндийского общества: брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшьи (торговцы, земледельцы) и шудры, которые обслуживали высшие варны.
- ⁵¹ Ш а у н а к а – именование многих учителей, наставников, мудрецов в эпосе и других текстах.
- ⁵² С а н с а р а – цепь существований и их совокупность, мир воплощений индивидуального Атмана в разных физических обликах и сферах бытия.
- ⁵³ С а в и т р и – то же: Гаятри, священный стих из «Ригведы», посвящённый Солнцу-Савитару.
- ⁵⁴ К л а д е з ь с о к р о в и щ – обычное именование океана, гор, земли, где, по мифологическим представлениям индийцев, хранятся несметные богатства.
- ⁵⁵ П у ш к а р а – известная индуистская святыня.

Перевод, вступление и примечания *О. Н. Крыловой*
(под редакцией *С. Л. Невелевой*)